

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Гальперин Михаил Львович

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

РЕЗЮМЕ
диссертации на соискание учёной степени
доктора юридических наук
НИУ ВШЭ

Москва - 2019

Диссертация выполнена на кафедре судебной власти департамента дисциплин публичного права факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С текстом диссертации можно ознакомиться на сайте НИУ ВШЭ:
<https://www.hse.ru/sci/diss/281680554>

12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью осмысления места юридической ответственности в механизме исполнительного производства, качественного повышения эффективности принудительного исполнения в целом.

В подразделениях ФССП России в 2018 году на исполнении находилось 87,6 миллионов исполнительных документов на сумму более 10 триллионов рублей,¹ невзысканный остаток на конец 2018 года составил 5,7 триллионов рублей.² Такая сумма сопоставима с размером валового внутреннего продукта России.³ Однако можно наблюдать не только постоянный рост количества исполнительных документов и суммы заложенности, подлежащей взысканию в исполнительном производстве, но и стабильно низкий процент фактического исполнения соответствующих требований (63,7 % - в 2011, 45,4 % - в 2012, 41,4 % - в 2013, 40,1 % - в 2014, 38,6 % - в 2015, 41,3 % - в 2016, 46,5 % - в 2017, 34 % - в 2018).⁴ По исполнительным производствам, возбужденным на основании судебных актов, процент фактического исполнения еще ниже общего. По итогам 2017 года он составлял около 28 %, по итогам 2018 – всего 25%.⁵ При этом в 2018 году по решениям арбитражных судов подлежало взысканию 3,19 трлн руб., из которых фактически взыскано только 113,2 млрд руб. (4 %, в 2017 году - 5,6%, в 2016 году – 6,4%).⁶

Таким образом, вопрос эффективности принудительного исполнения имеет не только юридическое значение, речь идет о макроэкономических показателях развития страны, которые определяют, в том числе, размер ставок по кредитам населению и бизнесу, оценку финансовых рисков со стороны внутренних и зарубежных инвесторов, сроки окупаемости бизнес-проектов, наполнение

---

¹ В 2014 году возбуждено 39,6 млн. исполнительных производств, что на 3,7 млн. больше по сравнению с 2013 годом. В 2015 году было возбуждено уже более 45,5 млн. исполнительных производств, в 2017 – 60,2 млн., в 2018 – 60,3 млн. См.: <http://fssprus.ru/statistics/>.

² Там же.

³ В 2018 году по данным Росстата – 103,6 трлн. руб. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab1.htm.

⁴ <http://fssprus.ru/indicators/>. По итогам работы в 2018 году ФССП России соответствующий показатель официально не раскрывался, определен автором самостоятельно на основании статистических данных ФССП России за 2018 год.

⁵ <http://fssprus.ru/statistics/>.

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/3566103/>.

бюджета для выполнения социальных и иных публичных обязательств, уровень банкротств предприятий, в целом перспективы роста национальной экономики.⁷

На эффективность работы органов принудительного исполнения влияет целый ряд факторов: качество законодательного регулирования исполнительного производства, общая социально-экономическая конъюнктура, культура финансово-кредитных отношений, уровень правового нигилизма в обществе, состояние материального и процессуального права. Рассчитать математически влияние различных юридических, экономических и социальных факторов на конкретные показатели принудительного исполнения практически невозможно. Но имеется возможность в целом оценить влияние применения некоторых мер правового принуждения, включая меры ответственности, на уровень фактического исполнения.

Так, в 2018 году должностными лицами ФССП России возбуждено 52,3 тыс. уголовных дел в отношении лиц, не исполняющих решения судов или нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов. Всего в производстве дознавателей ФССП России в 2018 году находилось 59,1 тыс. уголовных дел, окончено расследованием 51,8 тыс. уголовных дел, из них 51,3 тыс. направлено в суд с обвинительным актом.⁸ При этом *степень воздействия применения мер уголовной и административной ответственности на уровень фактического исполнения остается крайне невысокой*. По данным самой ФССП России, в результате применения мер уголовно-правового воздействия в отчетном периоде взыскано всего около 430 млн. руб. (в 2017 году - 600 млн. руб.),⁹ то есть порядка 0,01 % от общей суммы невзысканного остатка по исполнительным документам в соответствующий период. Возбуждение, например, в 2016 году в отношении должников по алиментам 59 тыс. дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.35.1 КоАП РФ, и 2,7 тыс. уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, имело своим результатом *дополнительное взыскание* на содержание детей около 64,3

---

⁷ Гальперин М.Л. Исполнительное производство. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2017. С. 15-16.

⁸ <http://fssprus.ru/2497078/>

⁹ Там же.

млн. руб., т.е. всего 0,04 % от общей суммы задолженности по алиментам в 2016 году (более 176 млрд. руб.).¹⁰

В течение 2018 года территориальными органами ФССП России вынесено 5,7 млн. постановлений о временном ограничении на выезд должников из Российской Федерации. В итоге на исполнении в Пограничной службе ФСБ России в 2018 году находилось 7,5 млн. таких постановлений.¹¹ При этом, по данным ФССП России, в 2017 году в результате вынесения почти 3,4 млн. постановлений о временном ограничении на выезд должников из Российской Федерации, была погашена (в том числе частично) задолженность на сумму всего 67,1 млрд. руб. (из общей суммы задолженности по соответствующим исполнительным производствам в 1,8 трлн. руб.)¹² Таким образом, процент задолженности, взысканной в результате применения указанной меры, составлял в отчетный период всего около 4 % *от общего размера задолженности по тем исполнительным производствам, в которых ограничение на выезд было установлено.*

В результате применения введенной в 2015 году новой меры принуждения к должнику - ограничения специального права,¹³ судебными приставами-исполнителями в 2017 году взыскано около 1,9 млрд. руб. (0,03 % от общей суммы невзысканной задолженности), в том числе 1,3 млрд. руб. алиментных платежей (0,7 %), 300 млн. руб. – административных штрафов (0,1 %), 192,6 млн. руб. – возмещения имущественного ущерба, причиненного преступлением (0,1 %).¹⁴ Несмотря на то, что в результате ограничения специального права судебными приставами-исполнителями в 2018 году взыскано уже 7,9 млрд. руб., в том числе 3,7 млрд. руб. по алиментным платежам, процент фактического

¹⁰ <http://fssprus.ru/statistics/>. В 2018 году было возбуждено 116,9 тыс. дел об административных правонарушениях в отношении должников, не уплачивающих алименты.

¹¹ <http://fssprus.ru/2497078/>

¹² http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/02018/itogovyj_doklad_za_2017_god_2018361451.pdf, <http://fssprus.ru/statistics/>.

¹³ Федеральный закон от 28.11.2015 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁴ http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/02018/itogovyj_doklad_za_2017_god_2018361451.pdf

исполнения по соответствующей категории требований остается крайне низким (в отношении задолженности по алиментам – менее 4 % в 2018 году).¹⁵

Продолжает расти задолженность по уплате исполнительского сбора (который по смыслу статьи 112 Закона об исполнительном производстве сам по себе представляет денежное взыскание за неисполнение требований исполнительного документа). В 2018 году невзысканная сумма исполнительского сбора составила более 95 млрд. руб. по сравнению с 70 млрд. руб. в 2016 году.¹⁶ В 2018 году было взыскано чуть более 17 млрд. руб. исполнительского сбора (около 4 % от подлежащей взысканию суммы сбора).¹⁷

Исходя из статистики, можно сделать вывод о том, что применение целого ряда мер принуждения к должникам в исполнительном производстве (в том числе мер юридической ответственности), несмотря на рост количественных показателей, пока не влечет за собой повышение эффективности взыскания, качественных изменений в структуре задолженности по исполнительным производствам, не способно даже сдерживать рост ежегодного остатка задолженности по исполнительным документам. Заметим, что указанные тенденции характерны для большинства видов исполнительных документов, прежде всего, судебных актов, обеспечение исполнения которых является конституционной обязанностью государства.

Несмотря на приведенные показатели, основным законодательным способом повышения эффективности исполнительного производства продолжает оставаться усиление мер принуждения в отношении должников, расширение ограничений их имущественных и неимущественных прав и по кругу лиц, ограниченных в правах, и по перечню возможных ограничений.¹⁸ С учетом остающегося низким уровня фактического исполнения в законодательство и правоприменительную практику активно внедряются новые и все более

---

¹⁵ <http://fssprus.ru/statistics/>.

¹⁶ <http://fssprus.ru/statistics/>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Парфенчиков А.О. Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения// Сборник материалов международной научно-практической конференции/ Отв. ред. А.О. Парфенчиков, В.А. Гуреев. М., 2016. С. 21-23.

существенные меры принуждения в отношении должника, вводятся новые меры его ответственности, а уже предусмотренные – имеют тенденцию к ужесточению. Именно поэтому в юридической науке все более важной становится проблема поиска конституционного баланса прав должника и взыскателя, определения пределов применения разнообразных мер принуждения к должнику, границ правового воздействия на него, в том числе при отсутствии у должника ликвидного имущества и достаточных доходов для исполнения своей обязанности.

Усиление принудительного воздействия на должника не может носить произвольный характер. Как и любой правовой институт, ограничения прав, меры принуждения должны оцениваться с точки зрения соблюдения конституционных принципов, пределов применения. Введению новых мер принуждения должен предшествовать тщательный анализ причин неэффективности уже существующих мер. Невозможно бесконечно усиливать принудительное воздействие на должника в исполнительном производстве, в том числе применяя к нему все новые меры юридической ответственности. Законодатель и правоприменитель неизбежно столкнутся с общими конституционными и даже международно-правовыми границами применения государственного принуждения. Несмотря на то, что такие границы в отношении принуждения в исполнительном производстве, как и общие начала исполнительного производства, еще находятся в стадии формирования и осмысления (прежде всего, посредством эволюционирующих подходов в правовой доктрине, практике высших судов) нельзя утверждать, что таких границ нет вообще, а конституционно-значимые цели исполнительного производства оправдывают введение любых мер принуждения к должникам.

С учетом указанного меры ответственности в исполнительном производстве требуют систематизации и дифференциации. Для решения указанной задачи необходимо выстроить структурированную, теоретически обоснованную систему принуждения в исполнительном производстве, определить роль юридической ответственности в такой системе с учетом целей исполнительного производства.

В любой отрасли регулирования вопросы ответственности всегда относятся к ключевым. Ответственность является важнейшим элементом юридического режима. В исполнительном производстве традиционно особое значение придается ответственности должника в связи с неисполнением требования, содержащегося в исполнительном документе. Однако ответственность несут и иные субъекты, вовлеченные в сферу принудительного исполнения, в том числе государство, отвечающее за действия (бездействие) органов принудительного исполнения.

Таким образом, совершенствование системы юридической ответственности в исполнительном производстве способно повысить эффективность механизма принудительного исполнения в целом, обеспечить его функционирование во взаимодействии с иными правовыми механизмами, прежде всего, с судопроизводством, что свидетельствует об актуальности темы работы.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной юридической литературе общие вопросы ответственности в исполнительном производстве не являлись предметом самостоятельного научного исследования, как правило, рассматриваются среди других теоретических проблем исполнительного производства, например, в докторских диссертациях О.В. Исаенковой и В.Ф. Кузнецова, которые были представлены на защиту почти пятнадцать лет назад, до вступления в силу действующего Федерального закона «Об исполнительном производстве». В этот же период были подготовлены кандидатские диссертации, посвященные отдельным видам ответственности в исполнительном производстве: гражданско-правовой (М.Р. Загидуллин) и административно-правовой (А.Н. Комаров). Вопросы ответственности в исполнительном производстве затрагивались среди других проблем также В.В. Ярковым, Д.Х. Валеевым, В.А. Гуреевым, В.В. Гушиным, С.Ф. Афанасьевым, Ю.А. Свириным. Исполнительский сбор как мера ответственности анализировался в трудах Л.В. Белоусова, В.А. Хохлова, А.В. Ильина, М.А. Рожковой. Проблемы ответственности государства в исполнительном производстве исследовались М.А. Ероховой, Т.К. Андреевой, Ю.Н. Андреевым. Юридическая квалификация мер ответственности в общей системе принуждения

в исполнительном производстве предпринималась М.З. Шварцем, А.А. Парфенчиковой. Вопросы ответственности в гражданской процессуальной сфере в целом нашли отражение в трудах Н.А. Чечиной, А.В. Юдина, В.В. Бутнева, А.Г. Столярова, Т.Т. Алиева.

Общетеоретические вопросы ответственности в исполнительном производстве, как правило, рассматриваются в контексте обоснования позиции автора о самостоятельности исполнительного производства как отрасли права, исходя из учения о предмете и методе. Также анализ вопросов юридической ответственности зачастую заключается в рассмотрении отдельных видов или мер ответственности без выявления их общих черт, закономерностей развития системы ответственности, определения правовой природы правонарушения в исполнительном производстве, его состава. Указанное обуславливает необходимость комплексного исследования темы ответственности в исполнительном производстве.

Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в связи с противоправным поведением субъектов исполнительного производства и привлечением их к юридической ответственности.

Предметом исследования является законодательство об исполнительном производстве, о судебных приставах, гражданское процессуальное законодательство, гражданское, уголовное, административное законодательство в части установления санкций в отношении субъектов исполнительного производства, практика российских и международных судов, зарубежное законодательство и судебная практика в указанных сферах.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в системном анализе реализации юридической ответственности в современном российском исполнительном производстве, выявлении связей между механизмом ответственности и иными элементами юридического режима исполнительного производства, в том числе целями, задачами и принципами исполнительного производства, в исследовании вопроса о месте ответственности в общем механизме исполнительного производства, о влиянии института

ответственности на эффективность исполнительного производства, в формулировании предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего исполнительное производство, и соответствующей правоприменительной практики.

Описанная цель исследования предопределила конкретные задачи работы:

- оценка на основании объективных данных эффективности системы принуждения в современном исполнительном производстве, степени влияния мер ответственности на реализацию целей правового регулирования в сфере исполнительного производства;

- отграничение мер ответственности от иных мер принуждения в исполнительном производстве, выработка правового стандарта применения мер ответственности в исполнительном производстве с учетом положений Конституции Российской Федерации, международного права, российского процессуального и материального права;

- изучение элементов механизма ответственности в исполнительном производстве (основание, меры, порядок и условия применения) через призму юридического режима исполнительного производства, его целей, задач, принципов;

- моделирование наиболее эффективной системы юридической ответственности в исполнительном производстве по результатам анализа доктринальных взглядов, норм действующего российского законодательства, судебной практики, зарубежного законодательства и судебной практики;

- формулирование основных доктринальных положений теории ответственности в исполнительном производстве, определение пределов применения института ответственности в исполнительном производстве;

- исследование существующих категорий и институтов исполнительного производства с точки зрения выработанных положений теории ответственности в исполнительном производстве;

- анализ применения в исполнительном производстве отдельных видов ответственности: гражданско-правовой, административной, уголовной, процессуальной.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы – системный, анализа, синтеза, индукции и другие. Также использовались частноправовые методы: сравнительно-правовой, историко-правовой, правового моделирования.

Теоретической основой исследования стали в частности труды по общей теории права С.С. Алексеева, М.И. Байтина, Д.Е. Петрова, А.В. Полякова, В.Д. Сорокина, Л.С. Явича, В.Ф. Яковлева, П. Проди.

Вопросы теории юридической ответственности анализировались с использованием работ Б.Т. Базылева, С.Н. Братуся, Г.Н. Ветровой, Н.В. Витрука, О.А. Денисова, О. С. Иоффе, О.А. Кожевникова, В.В. Кожевникова, М.А. Краснова, О.Э. Лейста, Д.А. Липинского, О.Г. Пивоваровой, Т.Н. Радько, И.С. Самощенко, П.П. Серкова, М.Х. Фарукшина, Р.Р. Хаснутдинова, Е.В. Черных, М.Д. Шаргородского.

Исследование опиралось на труды в сфере гражданского процесса и исполнительного производства Д.Б. Абушенко, Т.К. Андреевой, С.Ф. Афанасьева, Ю.Ю. Афониной, В.Н. Барсуковой, Л.В. Белоусова, А.Т. Боннера, К.Л. Брановицкого, В.В. Бутнева, Д.Х. Валеева, Е.В. Васьковского, А.П. Вершинина, М.А. Викут, М.М. Голиченко, Л.А. Грось, М.А. Гурвича, В.А. Гуреева, В.В. Гущина, Н.А. Жильцовой, В.В. Захарова, А.В. Ильина, О.В. Исаенковой, А.Ф. Клейнмана, Н.М. Коршунова, В.Ф. Кузнецова, С.В. Кузнецова, Д.Я. Малешина, К.А. Малюшина, Д. А. Марданова, И.Б. Морозовой, Ю.Г. Насонова, Д.Г. Нохрина, Г.Л. Осокиной, А.О. Парфенчикова, А.А. Парфенчиковой, И.В. Погодиной, З.В. Поповой, И.В. Решетниковой, Т.В. Сахновой, Ю.А. Свирина, С.И. Семеновой, А.А. Соловьева, А.Г. Столярова, Е.Г. Стрельцовой, А.М. Треушникова, М.А. Филатовой, В.А. Хохлова, М.Ю. Челышева, Н.А. Чечиной, М.С. Шакарян, М.З. Шварца, Н.А. Шейфетдиновой, А.В. Юдина, М.К. Юкова, В.В. Яркова, Kevin Browne, Daniel Friedmann, Richard L. Hasen, Terence Ingman, John O'Hare.

Автором использовались разработки в иных отраслевых юридических науках Д.Н. Бахраха, Е.В. Богданова, Е.Е. Богдановой, Д.Е. Богданова, В.А. Вайпана, К.Н. Васкевич, Д.А. Воронова, Н.И. Газетдинова, Д.М. Генкина, В.П. Грибанова, А.А. Громова, Г.А. Есакова, П.С. Ефимичева, М.Р. Загидуллина, А.А. Иванова, Л.В. Ивановой, А.Г. Карапетова, А.Н. Козырина, А.В. Коновалова, Е.С. Луценко, И.В. Максимова, А.В. Милькова, К.Ю. Молодыко, В.Г. Нестолия, Д.В. Осинцева, В.В. Питецкого, Н.А. Резиной, М.А. Рожковой, Б.В. Россинского, А.Я. Рыженкова, А.А. Салова, С.В. Сарбаша, К.И. Скловского, И.А. Хавановой, Г.Ф. Шершеневича.

Эмпирической базой исследования выступают акты российских и зарубежных судов, материалы правоприменительной практики Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и других органов власти; личная практика диссертанта в Министерстве юстиции Российской Федерации при применении законодательства об исполнительном производстве и осуществлении деятельности по подготовке проектов нормативных правовых актов.

Научная новизна обусловлена целью и задачами работы, состоит в комплексном исследовании на основании теории юридических режимов, с учетом современного законодательства и правоприменительной практики, а также зарубежного опыта вопросов юридической ответственности в исполнительном производстве и ее места в правовой системе, обосновании новых теоретических подходов к решению вопроса о совершенствовании механизма ответственности в исполнительном производстве, анализе места ответственности в системе мер принуждения в исполнительном производстве. Предложенные выводы влекут переосмысление ряда основополагающих категорий исполнительного производства: целей, задач, принципов, субъектов исполнительного производства, позволяют актуализировать правовое положение взыскателя и должника в современном исполнительном производстве.

Диссертация является первой научной работой, в которой проведено системное исследование ответственности в исполнительном производстве,

намечены направления развития указанного института, а изучение вопросов ответственности осуществлено посредством исследования элементов механизма ответственности в исполнительном производстве: основания (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона), а также отдельных мер ответственности в исполнительном производстве.

В работе решается фундаментальная научная проблема, состоящая в определении роли института юридической ответственности (в ее процессуальном и материально-правовом понимании) в механизме принудительного исполнения, а также обосновывается авторская классификация и дифференциация мер принуждения в отношении должника в исполнительном производстве - исходя из назначения последнего в правовой системе, раскрывается новое содержание категории противоправности в исполнительном производстве, устанавливаются общие конституционно-обусловленные пределы применения правового принуждения к должнику.

Основные выводы, демонстрирующие научную новизну исследования, отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Ответственность в исполнительном производстве – межотраслевое явление, охватывающее все меры юридической ответственности, применяемые к должнику и иным субъектам исполнительного производства в связи с принудительным исполнением требований исполнительных документов. Ответственность в исполнительном производстве призвана обеспечить решение единой специфической задачи исполнительного производства – правильное и своевременное исполнение исполнительного документа для достижения цели той отрасли правового регулирования, на основании норм которой возникла обязанность, им подтвержденная или установленная (например, гражданского, административного, финансового, уголовного права и т.д.).

2. Ответственность в исполнительном производстве дифференцирована в зависимости от того, к какому субъекту применяется: к должнику или иным субъектам исполнительного производства. Поскольку возбуждение исполнительного производства само по себе является следствием

противоправного поведения неисправного должника, его уклонение от самостоятельного исполнения требования исполнительного документа в возбужденном исполнительном производстве не составляет особой (дополнительной) противоправности. Следовательно, применяемые к должнику меры ответственности в исполнительном производстве должны не столько наказывать неправомерное поведение ретроспективно (как ответственность в иных сферах регулирования), сколько перспективно побуждать к исполнению требования исполнительного документа конкретным должником. Ответственность иных субъектов исполнительного производства, помимо должника, значительных особенностей по отношению к тем общим юридическим режимам, в которых она применяется (гражданско-правовом, административно-правовом, уголовно-правовом, гражданском процессуальном и т.д.), не имеет и иметь не должна.

3. Меры публично-правовой ответственности в отношении должника применяются в исполнительном производстве, прежде всего, как меры косвенного принуждения, поэтому могут накладываться неоднократно. Как следствие, практика применения таких мер (в том числе мер уголовной ответственности) демонстрирует отход от правила о необходимости установления каждый раз вины правонарушителя в субъективном аспекте (как психического отношения к неисполнению требования), характерном для публично-правовой ответственности, и предполагает оценку вины в объективном аспекте (должен был исполнить требование, но не предпринял всех необходимых мер для исполнения), присущем гражданско-правовой ответственности.

4. Применение меры ответственности не должно препятствовать исполнению основной обязанности должника, в связи неисполнением которой и было возбуждено исполнительное производство, например, наложение на неисправного должника в исполнительном производстве штрафа в пользу государства не должно затруднять исполнение денежного требования взыскателя. Следовательно, меры ответственности в исполнительном производстве должны применяться в комплексе с иными мерами принуждения, что подлежит

отражению в том числе в очередности распределения взысканных с должника средств.

5. В современном исполнительном производстве, помимо мер, однозначно квалифицируемых как меры ответственности (например, административный штраф), существует ряд мер принуждения, представляющих собой ограничения личных прав должника (запрет на выезд за рубеж, на управление транспортными средствами, размещение в общедоступных источниках персональной информации о должнике), которые законодательством и правоприменительной практикой не признаются мерами ответственности, однако, исходя из выявленных признаков ответственности (ограничение правового статуса адресата, негативная оценка его поведения, побуждение к совершению действий помимо его воли, отсутствие прямой связи с предметом основного требования), должны быть признаны таковыми, что требует пересмотра порядка и условий их применения.

6. Теоретически обосновано выделение следующих принципов исполнительного производства, характеризующих специфику соответствующего механизма ответственности, как и в целом юридического режима исполнительного производства:

процессуального формализма;

процессуального равноправия сторон;

процессуального руководства исполнительным производством судебным приставом-исполнителем;

соразмерности исполнительных действий;

приоритета имущественного воздействия перед воздействием на личность должника;

приоритета исполнения требований исполнительного документа в неизменном виде;

заинтересованности (поощрения активности) взыскателя.

7. Проблема эффективного исполнения требований взыскателей не может быть решена с использованием только правового инструментария исполнительного производства. Исполнимость требований должна

обеспечиваться посредством совершенствования способов защиты, предусмотренных материальным правом, механизмов их выбора, а также изменения и подтверждения в судопроизводстве.

8. Принудительное исполнение как развивающийся процесс должно обеспечивать поэтапное усиливающееся воздействие на должника в целях реализации задачи исполнительного производства, в том числе путем поступательного снижения уровня предоставляемых должнику правовых гарантий. Вместе с тем применяемые к должнику меры воздействия должны быть дифференцированы в зависимости от причин неисполнения, содержания обязанности должника, ее социального значения, а также ограничены общими пределами применения мер принуждения в правовом государстве.

9. Государство не может применять одни и те же меры принуждения как к добросовестному, так и недобросовестному лицу, несмотря на объективные трудности установления умысла. Правонарушением, влекущим применение мер публично-правовой ответственности в исполнительном производстве, следует признать лишь недобросовестное неисполнение должником требования исполнительного документа, то есть неисполнение при наличии объективной возможности исполнения у данного конкретного должника.

10. Правовые инструменты исполнительного производства не предназначены для принудительного исполнения требований, по которым должник объективно не способен исполнить принятое на себя обязательство, в том числе в связи с отсутствием у него достаточных доходов и имущества, либо должник заведомо не намеревался исполнять обязательство и(или) активно противодействует взысканию. С учетом правовых пределов применяемого в интересах взыскателя государственного принуждения к должнику в исполнительном производстве, органы принудительного исполнения по общему правилу должны ограничиваться установлением добросовестности (недобросовестности) должника, а также мерами принудительного исполнения и исполнительными действиями, которые могут быть совершены без применения к должнику непропорционального принуждения, и существенно не затрагивают

права и законные интересы иных лиц (кредиторов и контрагентов должника, членов его семьи и т.д.). Следовательно, в отношении недобросовестных должников должны применяться меры уголовно-правового или административно-правового характера, прежде всего, меры ответственности. В отношении добросовестного должника, не способного исполнить требование, исполнительное производство должно своевременно завершаться, а защита интересов взыскателя, при наличии оснований, должна осуществляться в процедуре несостоятельности (банкротства).

11. Установление недобросовестности должника в исполнительном производстве влечет за собой выведение его из-под действия общего принципа приоритета имущественного воздействия перед воздействием на личность должника. К нему могут применяться меры личного характера с соблюдением принципа соразмерности.

Недобросовестность должника также лишает его гарантий, вытекающих из общего принципа приоритета исполнения требования исполнительного документа в неизменном виде. Поскольку данный принцип защищает интересы взыскателя и добросовестного должника, установление недобросовестности последнего позволяет для решения задачи исполнительного производства лишить должника по заявлению взыскателя возможности исполнить требование в соответствии с первоначальным способом исполнения.

12. Перед привлечением к ответственности за недобросовестное неисполнение должнику должна быть предоставлена возможность подтверждения своей добросовестности (опровержения презумпции недобросовестности). Процедура подтверждения может предваряться запросом у должника сведений о наличии у него имущества в случае, если все усилия органов принудительного исполнения и взыскателя по поиску и обращению взыскания на имущество должника оказались безрезультатными. Неявка без уважительных причин к судебному приставу-исполнителю, предоставление заведомо недостоверных сведений об имущественном положении, уклонение от их предоставления могут

расцениваться как недобросовестное поведение должника и влечь за собой применение мер публично-правовой ответственности.

13. Взыскатель в исполнительном производстве не может требовать от государства обеспечения полного фактического исполнения, но лишь совершения всех предусмотренных законом действий по исполнению, а также своевременной реакции судебного пристава на ходатайства взыскателя о совершении определенных исполнительных действий и мер принудительного исполнения в отношении должника и его имущества. Следовательно, размер вреда, причиненного взыскателю незаконными действиями (бездействием) судебного пристава, не может рассчитываться на основе полной суммы задолженности по исполнительному документу. В противном случае выплачиваемая государством взыскателю денежная компенсация вреда, причиненного в исполнительном производстве, приобретает характер не возмещения, а предоставляемой государством гарантии исполнения одним частным лицом своих обязательств перед другим частным лицом.

14. Несмотря на сложившееся в доктрине и судебной практике понимание исполнительского сбора как меры ответственности, с точки зрения его предназначения в юридическом режиме исполнительного производства он должен квалифицироваться в качестве заранее установленной компенсации расходов государства на организацию принудительного исполнения, что влечет за собой переосмысление модели его применения. В частности, в целях взыскания исполнительского сбора недобросовестность должника не подлежит установлению, и, таким образом, основания для освобождения от уплаты или уменьшения размера сбора не должны обуславливаться наличием или отсутствием вины должника в неисполнении требований исполнительного документа.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в выработке и научном обосновании основных положений теории юридической ответственности в исполнительном производстве, формулировании системы целей, задач и принципов исполнительного производства, определении

теоретических моделей развития мер принуждения в современном исполнительном производстве.

Предпринятый в исследовании комплексный анализ отдельных видов ответственности, применяемых в исполнительном производстве, привел к выводу о том, что ответственность в исполнительном производстве носит межотраслевой характер, она неоднородна, как неоднородно и само исполнительное производство, и требования исполнительных документов, реализуемых в соответствующем юридическом режиме. Сделанный вывод опровергает всё ещё господствующие в юридической науке теоретические позиции об исключительно отраслевом характере видов юридической ответственности.

Исполнительное производство может быть обозначено даже не как комплексная, а как «синтетическая» отрасль правового регулирования. В исполнительном производстве институты (в том числе меры ответственности), заимствованные из разных профильных юридических режимов (в том числе гражданского процессуального, гражданско-правового, административно-правового), не просто соседствуют и взаимодействуют друг с другом, они видоизменяются под цели и задачу исполнительного производства, меняют свое назначение с учетом того, что в универсальном механизме исполнительного производства подлежат реализации требования разной правовой природы. «Синтетический» характер исполнительного производства вытекает из самой идеологии построения правовой системы, предполагающей неизбежность воплощения в юридическом режиме исполнительного производства разнообразных процессуальных инструментов, присущих различным видам юрисдикционной (прежде всего судебной) деятельности.

Дальнейшему развитию теоретических позиций служат и сделанные в диссертации выводы относительно правовой природы, назначения и специфики ответственности в исполнительном производстве, соотношения в нем мер ответственности с иными мерами государственного принуждения; признаков их разграничения; пределов принуждения в исполнительном производстве, обусловленных не только общими конституционно-правовыми и международно-

правовыми рамками принуждения, но и самим назначением исполнительного производства; исключения таких мер принуждения, которые в конкретном деле препятствуют реализации задачи исполнительного производства; обеспечения необходимого баланса интересов сторон исполнительного производства и государства; обязательного учета в моделях государственного принуждения особенностей личности должника и необоснованности пониженного уровня гарантий его правовой защиты в исполнительном производстве при применении мер принуждения, заимствованных из других юридических режимов.

В диссертации подтверждено самостоятельное теоретическое значение такого признака юридической ответственности как осуждение правонарушителя, негативная оценка его поведения, что позволило раскрыть правовую природу применяемых к должнику в исполнительном производстве личных ограничений в качестве мер ответственности. Кроме того, сделан вывод о том, что в системе принуждения отсутствие прямой связи между объективной стороной поступка и содержанием реакции на него государства возможно только при применении мер юридической ответственности, но не обеспечительных, защитных и иных подобных мер, что влечет теоретическое переосмысление критериев классификации мер принуждения, в том числе в исполнительном производстве. Кроме того, в работе на примере исполнительного производства продемонстрирована возможность качественного перерождения мер принуждения, их переход из обеспечительных мер в меры юридической ответственности.

Обращаясь к рассмотрению состава правонарушения в исполнительном производстве, автор диссертации приходит к выводу о том, что являющийся общим для гражданских процессуальных правонарушений такой их состав, как неуважение к суду, выступающий в качестве основания гражданской процессуальной ответственности, не может охватывать правонарушения в исполнительном производстве. Это обусловлено тем, что принцип судебного руководства процессом предельно ограничен в сфере исполнительного производства, где судебный пристав-исполнитель осуществляет ординарную

деятельность должностного лица, которая не является правосудием, а большинство исполнительных документов вообще не являются судебными. В работе сделан теоретический вывод об отсутствии в исполнительном производстве общей процессуальной обязанности должника выполнить требования исполнительного документа (отличной от самой изначальной обязанности должника подчиниться законной силе судебного акта, на основании которого выдан исполнительный документ), что исключает распространение на исполнительное производство общих оснований гражданской процессуальной ответственности.

В диссертации критически проанализированы до сих пор преобладающие в правовой доктрине позиции относительно значения отраслевых предмета и метода регулирования для классификации отраслей права, а также видов юридической ответственности, и утверждается методологическая несостоятельность отраслевого подхода к классификации юридической ответственности, определению действительных особенностей конкретных мер принуждения. В связи с этим используются новые теоретические концепции при исследовании исполнительного производства, определении его места в правовой системе, исходя из теории юридических режимов. Выработанные подходы позволяют перевести на качественно иную, более продуктивную теоретическую основу продолжающуюся уже несколько десятилетий научную дискуссию об отраслевой «самостоятельности» исполнительного производства и его отдельных институтов, включая юридическую ответственность.

Таким образом, диссертационная работа представляет собой завершённое исследование целого комплекса научных проблем в сферах гражданского процесса, исполнительного производства, правового принуждения и теории юридической ответственности.

Практическое значение исследования состоит в том, что выводы и положения, обоснованные в работе, могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства, обобщения и упорядочивания судебной и иной правоприменительной практики, в подготовке программных документов в

сфере совершенствования исполнительного производства и организации органов принудительного исполнения.

Положения и материалы диссертационного исследования могут послужить составной частью учебного курса по дисциплине «Гражданский процесс», основой учебного курса по дисциплине «Исполнительное производство».

Апробация результатов исследования. Материалы исследования использовались автором для подготовки программ, учебно-методических комплексов, лекций, практических занятий по дисциплинам «Исполнительное производство» и «Исполнительное производство как комплексный процессуальный и административно-правовой институт», преподаваемых автором на факультете права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» с 2010 года по настоящее время; в деятельности диссертанта в качестве сотрудника Министерства юстиции Российской Федерации при подготовке проекта Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011-2020 г.г.), члена Научно-консультативного совета при Федеральной службе судебных приставов, члена рабочей группы Верховного Суда Российской Федерации по подготовке проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (2015 г.), в выступлениях на научных и научно-практических конференциях: V Петербургский международный юридический форум (2015 г., Санкт-Петербург), VI Петербургский международный юридический форум (2016 г., Санкт-Петербург), XVII Апрельская международная научная конференция Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества (2016 г., Москва), Международная научно-практическая конференция «Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве» (2017 г., Москва).

Обсуждение диссертации проведено на заседании департамента дисциплин публичного права факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики», а также на заседании кафедры гражданского процесса юридического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Материалы работы были использованы при подготовке авторского учебника по исполнительному производству для бакалавриата и магистратуры, выдержавшего четыре издания, а также практикума.

По теме диссертационного исследования опубликовано 23 научных работы. 18 статей опубликованы в журналах из списка рекомендованных изданий НИУ ВШЭ. Общий объем публикаций автора по теме диссертационного исследования - более 81 п.л.

Структура работы определяется задачами исследования и необходимостью комплексного изучения проблем ответственности в исполнительном производстве.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих четырнадцать параграфов, заключения, библиографического списка.

Основное содержание работы.

В первой главе диссертации **«Ответственность в исполнительном производстве: поиск места в правовой системе»**, во-первых, приводится обстоятельный критический анализ существующих в юридической литературе позиций относительно сущности юридической ответственности в системе принуждения в целом, и в исполнительном производстве в частности, во-вторых, ставятся научные проблемы, которые предстоит разрешить по результатам работы. В параграфе **«Проблема эффективности принуждения в исполнительном производстве»** приводятся статистические данные, позволяющие объективно оценить состояние современного исполнительного производства, его роль в правовой системе, а также системе социально-экономических отношений, проиллюстрировать на конкретных примерах

актуальность проблемы повышения эффективности принуждения, в том числе юридической ответственности, в сфере принудительного исполнения.

Несмотря на объективные данные, демонстрирующие стабильно низкие показатели фактического исполнения и слабое влияние существующих мер юридической ответственности на результативность исполнительного производства, основным законодательным способом повышения эффективности исполнительного производства продолжает оставаться усиление мер принуждения в отношении должников, расширение ограничений их имущественных и неимущественных прав и по кругу лиц, ограниченных в правах, и по перечню возможных ограничений. Например, Федеральным законом от 28.11.2015 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в законодательство был введен институт временного ограничения на пользование должником специальным правом (правом на управление транспортным средством). Из пояснительной записки к соответствующему законопроекту следует, что его разработчики при введении соответствующих мер были «вдохновлены» опытом применения предусмотренных в 2007 году в статье 67 Закона об исполнительном производстве ограничений на выезд должника из Российской Федерации. Авторы пояснительной записки, в частности, указывают на то, что использование временного ограничения права на выезд за пределы Российской Федерации, «очевидно, свидетельствует об эффективности института временных ограничений личных прав должника для целей правильного и своевременного исполнения требований судебных актов».¹⁹ Однако, как показывают статистические данные, такая «эффективность» вытекает лишь из абсолютных, но не относительных показателей. В качестве довода о необходимости расширения перечня ограничений личных прав должников разработчиками указывалось на то, что не всеми должниками используется право на выезд за пределы Российской Федерации, в связи с чем ограничение данного

---

¹⁹ См.: пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=661379-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=661379-6).

права является эффективной мерой понуждения к исполнению требований исполнительных документов в отношении узкого круга лиц. Внесение в законодательство Российской Федерации изменений, устанавливающих возможность ограничения права должника на управление транспортным средством и (или) судном, по мнению разработчиков законопроекта, должна была стать превентивной мерой, мотивирующей на исполнение требований исполнительных документов должниками в добровольном порядке. В пояснительной записке прогнозировалось применение введенного временного ограничения права должника на управление транспортным средством в отношении порядка 450 тыс. должников. Вместе с тем применение, например, в 2017 году указанного нового ограничения по 174 тыс. исполнительных производств позволило взыскать всего около 2 млрд. руб., т.е. менее 4 % от суммы задолженности по исполнительным производствам, по которым такая мера была применена.

Принятие закона, вводящего временные ограничения специальных прав, очевидно, не последний шаг на пути постепенного нарастающего принудительного воздействия на должника в исполнительном производстве. Следующий «пакет» законодательных ограничений, в частности, предполагает предоставление судебному приставу-исполнителю полномочий по установлению запрета на совершение должником юридически значимых действий (регистрационных действий, действий по получению, продлению публичных разрешений и лицензий и иных действий, совершение которых должником влечет за собой возникновение, изменение и прекращение его прав и обязанностей). Один из законопроектов направлен на установление возможности отказа должнику в предоставлении ему государственных услуг. Предполагается, что отказ в предоставлении государственной услуги не будет иметь своим основанием специальное постановление судебного пристава-исполнителя (как в случае с уже предусмотренными законодательством ограничениями специальных прав должника и ограничением права на выезд из Российской Федерации), решение об отказе будет при каждом конкретном обращении должника за государственной

услугой принимать соответствующий орган государственной власти при условии нахождения данных лица, обращающегося за государственной услугой, в базе данных должников.²⁰ Идеи субъектов законодательной инициативы по ограничению прав должников в исполнительном производстве касаются не только прав, реализация которых связана с обращениями в органы государственной власти. Некоторое время назад предлагалось предусмотреть право взыскателя и судебного пристава в исполнительном производстве требовать в суде признания недействительными сделок должника и возврата ранее отчужденного должником имущества (по аналогии с процедурой несостоятельности (банкротства)).²¹

При этом практика конституционного правосудия демонстрирует несколько иные тенденции. Так, еще десять лет назад в практике Конституционного Суда РФ в качестве базовых принципов исполнительного производства были обозначены преимущественная защита интересов взыскателя, ограничение равенства участников исполнительного производства с учетом необходимости ограничения прав должника, что позволило ряду ученых высказать мнение о том, что конституционный баланс интересов взыскателя и должника по частным взысканиям заключается в отношении должника прежде всего в оставлении ему минимального уровня существования, способного не оставить его за пределами социальной жизни.²² Но уже в 2016 году в постановлениях Конституционного Суда РФ речь идет о недопустимости преодоления коллизий законных интересов должника и взыскателя путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, нарушения основного содержания конституционных прав должника, о недопустимости длительного пребывания должника в состоянии неопределенности относительно своего правового положения, о диспозитивности

---

²⁰ Парфенчиков А.О. Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения// Сборник материалов международной научно-практической конференции/ Отв. ред. А.О. Парфенчиков, В.А. Гуреев. М., 2016. С. 21-24.

²¹ Законопроект № 711269-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об исполнительном производстве» // [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=711269-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=711269-6).

²² См.: Ярков В.В. Некоторые принципы гражданского исполнительного права (в связи с постановлением Конституционного Суда России от 12.07.2007 № 10-П и новым Федеральным законом «Об исполнительном производстве») // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции/ отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. М., 2009. С. 204—205.

в процессуальных отношениях в исполнительном производстве, соразмерном распределении экономических рисков, связанных с возможными трудностями в реализации арестованного имущества, между должником и взыскателем, принципе правовой справедливости и даже принципе солидаризма, предполагающем взаимное содействие должника и взыскателя для достижения целей обязательства, учет прав и законных интересов друг друга.²³

При этом, как свидетельствуют тенденции развития законодательства об исполнительном производстве, некорректно было бы говорить о какой-либо его общей «либерализации», усилении защиты прав должника. Напротив, с учетом остающегося низким уровня фактического исполнения в законодательство и правоприменительную практику активно внедряются новые и все более существенные меры принуждения в отношении должника, вводятся новые меры его ответственности, а уже предусмотренные – имеют тенденцию к ужесточению.

В параграфе **«Дискуссия о правовой природе ответственности в исполнительном производстве»** выявляются признаки, позволяющие охарактеризовать институт юридической ответственности, в том числе в исполнительном производстве. Также оцениваются попытки ряда исследователей рассматривать юридическую ответственность как элемент «самостоятельной» отрасли – исполнительного права. Из проанализированных позиций ученых становится ясно, что основная дискуссия об ответственности в исполнительном производстве разворачивается вокруг ее качественной самобытности в системе права, в соотношении с другими, уже признанными «самостоятельными» видами ответственности. При этом в юридической науке нет единого мнения относительно «канонического перечня» самостоятельных видов ответственности. Диссертант предполагает, что перечни «самостоятельных» видов ответственности, обычно приводимые в научных работах, свидетельствуют о том, что правоведам так и не удалось в полной мере определить объективные критерии деления юридической ответственности на виды. К неопределенным выводам при

---

²³Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева».

классификации ответственности приводят негодные исходные теоретические посылы, используемые как фундамент для возведения «здания» логических рассуждений, но непрочность которых может повлечь обрушение всей заботливо сооруженной смысловой конструкции. И таким теоретическим посылом выступил так называемый «отраслевой подход», предполагающий неразрывную формальную связь видов ответственности с перечнем отраслей права, классифицированных исходя из учения о предмете и методе регулирования.

Непродуктивность «отраслевого подхода», серьезные методологические проблемы при классификации юридической ответственности (как и иных правовых институтов), с которыми столкнулась отечественная юридическая наука, могут быть продемонстрированы и тем, что при обосновании «самостоятельности» того или иного вида юридической ответственности используются не научно обоснованные критерии, а определенная механическая сумма исследований по соответствующим вопросам.

Завершая общую критику отраслевого подхода к классификации юридической ответственности, диссертант приходит к выводу, что при классификации правовых институтов (в том числе юридической ответственности) особое значение должны иметь соответствующие юридические режимы (концепция которых разработана С.С. Алексеевым), а не предмет и метод соответствующей отрасли, и тем более, не закрепление норм об ответственности в определенном нормативном правовом акте. Изучая проблему классификации юридической ответственности через призму «юридических режимов», можно сделать вывод о том, что «отраслевая» классификация юридической ответственности сама по себе не имеет ценности. Классификация же видов ответственности по юридическим режимам призвана решить прикладные задачи. Определив, к какому из юридических режимов относится та или иная мера ответственности, можно установить, какие еще положения и принципы необходимо иметь в виду для эффективного применения механизма юридической ответственности.

Перенося общие выводы относительно проблем дифференциации правовой материи на сферу исполнительного производства, диссертант отмечает, что продолжающаяся дискуссия относительно «самостоятельности» исполнительного производства строится, прежде всего, на отраслевом подходе, связана с определением предмета и метода «исполнительного права», что не позволяет в полной мере решить задачи, стоящие перед наукой исполнительного производства. В работе констатируется, что даже примерный перечень отношений, регулируемых законодательством об исполнительном производстве, явно демонстрирует, что его предмет с точки зрения регулируемых отношений неоднороден. Некоторые отношения являются по своему характеру процессуальными, другие — материальными. Часть отношений представляют собой явно выраженные властеотношения, другие характеризуются формальным равенством субъектов. Что более важно, многие отношения, регулируемые законодательством об исполнительном производстве, возникают и существуют не только в сфере исполнительного производства, но и вне ее. Исполнительное производство для таких отношений — лишь одна из многих стадий реализации.

Определяя место исполнительного производства в правовой системе, следует признать, что оно имеет служебный характер для иных отраслей, через исполнение судебных и иных актов обеспечивает осуществление с использованием государственного принуждения соответствующих субъективных прав. Для гражданского, административного, налогового, бюджетного, трудового, семейного, жилищного, социального и других отраслей законодательства исполнительное производство является механизмом принудительного исполнения принятых в соответствии с их нормами правовых актов, устанавливающих или подтверждающих права и обязанности субъектов соответствующих правоотношений (посредством наделения таких актов статусом исполнительных документов). Такое соотношение исполнительного производства с иными отраслями правового регулирования обуславливает и неоднородный юридический режим исполнительного производства, когда правовой механизм

принудительного исполнения тех или иных актов подстраивается под цели и задачи регулирования отраслей, на основании норм которых они были приняты.

Отраслевой подход к классификации юридической ответственности не только не имеет самостоятельного познавательного и методологического значения, но продемонстрировал свою несостоятельность как основа для формирования и развития системы юридической ответственности (в том числе в исполнительном производстве). Мы живем в условиях господства «смешанных» (по терминологии С.С. Алексеева) юридических режимов, комплексных отраслей законодательства, сложносоставных методов и приемов правового регулирования, функционирование которых непосредственно связано с особыми целями правовой политики в той или иной сфере. Общая специфическая задача исполнительного производства (обреченного всегда оставаться «смешанным» правовым режимом в связи с разнородным характером исполнительных документов), как элемент соответствующего юридического режима, – правильное и своевременное принудительное исполнение требований исполнительных документов. Общая задача определяет принципы регулирования, влияет на формирование тех или иных специфических мер воздействия на субъектов соответствующих отношений, в том числе конструирование и применение мер юридической ответственности. Диссертант выдвигает тезис о том, что институт ответственности в исполнительном производстве можно признать межотраслевым, он охватывает все виды отраслевой юридической ответственности, применяемые в связи с принудительным исполнением требований исполнительных документов.

Параграф **«Меры ответственности и иные меры принуждения: проблема соотношения»** посвящен разграничению с учетом существующих в юридической литературе позиций мер ответственности от иных принудительных мер, в том числе мер пресечения и обеспечительных мер.

Диссертант приходит к выводу о том, что назначение, цель юридической ответственности могут различаться в разных отраслях регулирования. В любом виде юридической ответственности можно обнаружить общие черты, функции, базовые элементы, формирующие механизм юридической ответственности,

которые, однако, в совокупности направлены на реализацию специфических, отличающихся друг от друга целей ответственности в том или ином режиме регулирования.

Рассматривая общие признаки юридической ответственности, позволяющие отграничить ее от иных мер правового воздействия, диссертант с учетом анализа высказанных в литературе позиций относительно сущности юридической ответственности, исходит из того, что общими признаками юридической ответственности являются, во-первых, применение ее как последствия совершенного правонарушения (неисполнения юридической обязанности), во-вторых, принудительное (вопреки или независимо от воли правонарушителя) возложение на правонарушителя дополнительных юридических обязанностей либо иное неблагоприятное для него изменение первоначального правового статуса по сравнению с тем, которым он пользовался до привлечения к ответственности, и, в-третьих, осуждение правонарушителя как результат привлечения к ответственности, выраженное в негативной оценке его поведения. Принудительность ответственности проявляется не в том, что ее применение осуществляется органом власти (хотя, зачастую, это действительно так). Принудительность юридической ответственности в первую очередь проявляется в том, что возложение дополнительной обязанности на правонарушителя, изменение его статуса как следствие правонарушения происходят вопреки или независимо от воли правонарушителя, ограничивается свобода его действий и он вынужден действовать не так, как намеревался и желал.

В различных сферах регулирования те или иные признаки ответственности проявляются более или менее отчетливо, имеют свою специфику в зависимости от юридического режима, элементом которого является соответствующий механизм ответственности. Например, в публичном праве (уголовная, административная ответственность) явно проявляется признак осуждения правонарушителя, такое осуждение не просто предполагается законом, но, как правило, специально фиксируется правовым актом государственного органа или должностного лица о привлечении к ответственности. При привлечении к

гражданско-правовой ответственности признак осуждения внешне выражен слабее, однако, все равно присутствует.

Самостоятельный характер осуждения, негативной оценки поведения правонарушителя в системе признаков юридической ответственности подтверждается тем, что целый ряд мер ответственности не влечет за собой «видимого» ограничения имущественных и неимущественных прав правонарушителя, существенного изменения его правового статуса (например, предупреждение как административное наказание, выражающееся исключительно в официальном *поризании* юридического или физического лица). Такие меры все равно остаются именно мерами ответственности. В известном деле *Farrar v. Hobby* Верховный Суд США указал, что даже присуждение так называемых «номинальных убытков» (1 доллар) в качестве меры ответственности, как и присуждение действительного размера убытков, *изменяет поведение ответчика* в отношении истца посредством понуждения ответчика уплатить истцу денежную сумму, которую он без судебного решения о присуждении номинальных убытков не должен был платить. Таким образом, суд фиксирует «выигрыш» истца в деле, *констатирует противоправное поведение ответчика*.²⁴

Признак осуждения позволяет отграничить меры ответственности от иных принудительных мер. Например, согласно статье 14 УПК РФ обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Таким образом, применение к соответствующему лицу мер процессуального принуждения, установленных уголовно-процессуальным законодательством (задержание, содержание под стражей, домашний арест и т.д.) до вступления в силу судебного акта о привлечении его к уголовной ответственности, не связано с осуждением. С учетом указанного автор соглашается с выводом о том, что, например, включение хозяйствующего субъекта в реестр недобросовестных поставщиков представляет собой меру *юридической ответственности*, поскольку *фиксирует недобросовестное поведение* поставщика в регулируемой сфере правоотношений

---

²⁴ *Farrar v. Hobby* (91-990), 506 U.S. 103 (1992). <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/506/103.html>.

и влечет за собой негативные последствия в виде лишения возможности в течение определенного периода участвовать в государственных (муниципальных) торгах.

Автор также констатирует, что в системе принуждения отсутствие прямой юридической связи между *объективной стороной* поступка и *содержанием реакции* на него государства возможно только при применении мер юридической ответственности. Так, очевидно отсутствие прямой связи содержания такой меры наказания, как лишение свободы, с объективной стороной конкретного преступления (например, мошенничества), поскольку цель юридической ответственности в современной правовой системе не «отражение» преступления наказанием, а воздействие на психическую сферу правонарушителя правовыми методами. При этом, например, обеспечительные меры всегда связаны с содержанием той обязанности, исполнение которой они обеспечивают (например, наложение ареста на имущество ответчика для обеспечения исполнения решения суда о взыскании с него денежной суммы).

Квалификация тех или иных мер принуждения в качестве мер ответственности имеет практическое значение, влечет за собой необходимость применения соответствующего механизма их реализации, отражающего признаки ответственности (установление противоправности, виновности и т.д.). Такой механизм должен включать в себя специфические гарантии прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ответственности, обусловленные положениями Конституции, принципами правового государства. Так, недопустимо применение за одно и то же правонарушение двух мер ответственности одинаковой правовой природы, кроме того, по общему правилу, закон, устанавливающий публичную ответственность, не может применяться с обратной силой. Отсутствие в законе или ином нормативном правовом акте специального формального «маркера» тех или иных мер именно как мер ответственности не освобождает законодателя и правоприменителя от соблюдения соответствующих гарантий.

В завершающем параграфе первой главы **«Проблема квалификации мер принуждения в исполнительном производстве»** для определения предметных границ исследования анализируются основные меры принуждения в

исполнительном производстве, вычлняются из всего массива таких мер именно меры юридической ответственности с учетом ее признаков. Такая операция имеет прикладное значение, поскольку квалификация соответствующих мер именно как мер юридической ответственности позволяет оценить их с точки зрения соответствия существующим в правовой системе стандартам конструирования и применения мер ответственности, уровня правовых гарантий для адресатов таких мер, в целом обеспечения конституционного баланса прав и интересов различных субъектов, что позволяет достичь целей исследования.

Диссертант отмечает, что меры принудительного исполнения, указанные в части 3 статьи 68 Закона об исполнительном производстве, представляют собой меры, которые Е.В. Васьковский относил к мерам реального исполнения (прямого принуждения). Меры косвенного принуждения, направленные на личность должника в целях побудить его самостоятельно (хоть и помимо своей воли) исполнить требования исполнительного документа, содержатся в статье 64 Закона об исполнительном производстве, устанавливающей перечень исполнительных действий. Меры принудительного исполнения не совпадают со способами защиты субъективного права (в том числе предусмотренными статьей 12 ГК РФ). Одна мера принудительного исполнения может «обслуживать» несколько способов защиты права, так же как принудительная реализация одного способа защиты права может требовать применения нескольких мер принудительного исполнения.

Способы защиты прав различаются не столько по своему фактическому (характеру совершаемых субъектами обязательства действий), сколько по правовому содержанию (условиям применения, основаниям возникновения соответствующих обязательств, предпосылкам для применения конкретного способа защиты судом и т.д.). Например, такие способы защиты права, как возмещение убытков, взыскание неустойки или компенсация вреда, идентичны с точки зрения фактического содержания (передача денежных средств от должника кредитору), но отличаются по своему правовому содержанию. Правовое содержание способа защиты имеет большое значение при выборе надлежащего способа защиты права как истцом при формулировании искового требования, так

и судом при вынесении решения по иску. В свою очередь меры принудительного исполнения различаются прежде всего по фактическому, а не по правовому содержанию. Каждая мера принудительного исполнения представляет собой особую совокупность действий, совершаемых судебным приставом-исполнителем и другими субъектами исполнительного производства.

Оценивая некоторые меры, которые законодательство об исполнительном производстве квалифицирует как исполнительные действия, но которые представляют собой не просто действия судебного пристава и других должностных лиц, а правоограничения (прежде всего, личного характера) для должника, наложение на него дополнительных обязанностей, т.е. отвечают признакам мер ответственности, диссертант приходит к выводу о том, что ограничение на выезд должника из Российской Федерации по своему изначальному законодательному назначению являлось обеспечительной мерой, однако в правоприменительной практике ограничение на выезд за рубеж из действия, направленного на создание условий для применения мер принудительного исполнения, на недопущение уклонения должника от участия в соответствующих процессуальных действиях, превратилось в полноценную меру понуждения должника к самостоятельному исполнению (помимо своей воли) требований исполнительного документа, в меру косвенного личного принуждения.

Как и ограничение на выезд должника за рубеж, ограничение специальных прав представляет собой меру, схожую с мерами ответственности, как с точки зрения объема правоограничений, так и направленности на осуждение должника, психологическое, карательное воздействие на него, принуждение должника к самостоятельному исполнению требований исполнительного документа, и является «суррогатом» меры принудительного исполнения (по терминологии М.З. Шварца). Ограничение специальных прав не может быть признано мерой обеспечительного характера, с учетом того, что по своему содержанию оно не связано с той обязанностью, исполнение которой обеспечивается ее применением

(ограничение личного права для обеспечения исполнения имущественной обязанности).

Таким образом, в работе констатируется, что в исполнительном производстве, помимо мер, признанных законодателем и правовой доктриной мерами ответственности (например, административный штраф, предусмотренный статьей 17.15 КоАП РФ), существует ряд мер принуждения, представляющих собой ограничения личных прав должника (на выезд за рубеж, на управление транспортным средством), размещение в общедоступных реестрах персональной информации о должнике, которые формально не признаются мерами ответственности, однако, исходя из признаков ответственности (негативное изменение правового статуса лица, наличие элемента осуждения), практики их применения могут быть признаны таковыми. Соответствующие меры представляют собой меры косвенного принуждения, т.е. направлены на понуждение самого должника исполнить требование исполнительного документа. Указанное не должно влечь за собой кардинальное снижение уровня правовых гарантий для адресата мер принуждения. Представляется, что такие гарантии в целом должны соответствовать гарантиям, которые предоставляются лицам, привлекаемым к мерам публично-правовой ответственности, по модели которых сконструированы соответствующие исполнительные действия.

Тенденция развития мер принуждения (прежде всего, исполнительных действий) в исполнительном производстве заключается в усилении воздействия на личность должника не только по требованиям исполнительных документов, которые объективно не могут быть оперативно исполнены без участия самого должника (требования неимущественного характера), но и обычных имущественных требований (например, часть 2 статьи 67.1 Закона об исполнительном производстве). Причем такие меры принуждения по содержанию никак не связаны с предметом исполнения, что сближает их с мерами ответственности, а не мерами обеспечительного характера. Соответствующие исполнительные действия, воздействуя на психику должника, понуждая его лично совершить определенные действия, в правоприменительной практике подменяют

собой меры принудительного исполнения, совершаемые судебным приставом-исполнителем, поскольку *a priori* предполагаются более эффективными, чем обычное для исполнительного производства обращение взыскания на имущество должника без его непосредственного участия. Как было продемонстрировано статистическими данными, эффективность таких мер далеко не всегда подтверждается на практике.

На основе позиций дореволюционных юристов делается вывод о том, что отход во второй половине XIX века в европейских (в том числе российском) законодательствах от личного воздействия на должника, ограничений его личных прав, свободы в исполнительном производстве был связан не столько с общей гуманизацией законодательства и правоприменения, а также развитием концепции прав человека (тем более, основополагающие права человека включают в себя не только право на личную неприкосновенность должника, но и право взыскателя на правосудие), сколько с обнаружившейся неэффективностью применения таких мер по большей части дел.

Как стало ясно из исторического опыта применения личного задержания к должникам, ключевой проблемой целесообразности применения соответствующей меры является проблема определения вины (недобросовестности, злостности) соответствующего должника. Личные ограничения эффективны лишь по отношению к тем должникам, которые обладают необходимым имуществом (имеют возможность исполнить требование исполнительного документа), но по различным причинам умышленно уклоняются от исполнения. К тем должникам, которые объективно не могут исполнить требование исполнительного документа личные ограничения не могут применяться (тем более, если они фактически носят бессрочный характер, как ограничения на выезд за рубеж и ограничения специальных прав). Такие ограничения являются неэффективными, не побуждают должника исполнить требование, а возбуждают у него чувство несправедливости происходящего, снижают уровень доверия к закону и суду. Исторический опыт однозначно указывает на необходимость дифференцированного применения мер

принуждения в отношении добросовестных и недобросовестных должников, обеспечения баланса интересов должника и кредитора. Кроме того, исследователи дореволюционного права отмечали сходство некоторых мер косвенного принуждения в исполнительном производстве с полноценными мерами наказания за преступления, установленными в уголовном праве.

Адекватные правовые гарантии должны сопровождать не только применение мер ответственности, но и иных мер принуждения, особенно в том случае, если они связаны с негативным изменением правового статуса соответствующего лица, ограничением его дееспособности, личной свободы, права на неприкосновенность частной жизни. Необходимость оценки добросовестности лица, причин неисполнения им своей обязанности, определения соразмерной меры, срока применения ограничений должны гарантировать в исполнительном производстве соблюдение баланса интересов должника, взыскателя, государства.

В развитие общих выводов, сделанных в первой главе, вторая глава диссертации **«Ответственность – элемент юридического режима исполнительного производства»** посвящена выявлению общих начал исполнительного производства, которые характеризуют соответствующий юридический режим, в том числе оказывая влияние на механизм ответственности. В параграфе **«Юридический режим исполнительного производства: основные элементы»** диссертант раскрывает цели и задачи исполнительного производства и отмечает, что задачи исполнительного производства в части исполнения судебных актов являются органичным продолжением задач судопроизводства (прежде всего, гражданского), направлены на реализацию единой общей цели — защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, публичных субъектов. Но, несмотря на то, что в целом Законом об исполнительном производстве закреплены общие процессуальные механизмы принудительного исполнения, независимо от материально-правового характера исполняемого требования (например, общий порядок возбуждения и завершения исполнительного производства, сроки в исполнительном производстве, перечень

исполнительных действий и т.д.), при определении условий и пределов применения мер принудительного воздействия на должника недопустимо «обезличение» требований исполнительного документа, игнорирование правовой природы, специфики самого защищаемого в исполнительном производстве права.

Юридический режим исполнительного производства в современных условиях весьма неоднороден, имеет комплексный характер, соответственно нет необходимости включать все цели правового регулирования в статью 2 Закона об исполнительном производстве, поскольку тогда бы законодателю пришлось «собрать» их из всех отраслевых нормативных правовых актов, что не имеет никакого смысла. Но у исполнительного производства есть единая специфическая задача, которая отличает его от иных видов деятельности органов публичной власти и должностных лиц. И задача эта — правильное и своевременное принудительное исполнение исполнительных документов для обеспечения реализации целей тех отраслей правового регулирования, на основании норм которых они выданы. Таким образом, целей у исполнительного производства может быть много, как минимум по числу отраслей правового регулирования, в соответствии с нормами которых выдаются исполнительные документы, указанные в статье 12 Закона об исполнительном производстве, но все эти цели достигаются в исполнительном производстве посредством выполнения единой задачи.

Переходя в следующем параграфе **«Принципы исполнительного производства»** к оценке нормативно закрепленных принципов исполнительного производства, диссертант приходит к выводу, что в статье 4 Закона об исполнительном производстве отсутствуют действительные принципы исполнительного производства, а положения, названные в ней принципами, не могут считаться таковыми. Разрыв между доктринальными и нормативными началами исполнительного производства с одной стороны, и его реальной социально-экономической основой, - с другой, предлагается преодолеть, прагматично посмотреть на исполнительное производство как правовой механизм. При отсутствии принципов исполнительного производства,

действительно способных оказывать влияние на развитие законодательства и правоприменения, принудительное исполнение как сфера, в которую ежедневно вовлекаются миллионы людей, рискует в глазах общества и бизнеса превратиться в пример катастрофического разрыва между текстом закона и практикой его применения.

В юридической литературе высказываются позиции о действии в исполнительном производстве принципов поощрения добровольного исполнения, диспозитивности и других принципов.²⁵ Но соответствующие принципы, во-первых, не всегда являются универсальными, то есть распространяются только на исполнение определенных исполнительных документов, например, исполнительных листов на решения судов по гражданским делам, во-вторых, фактически являются не процессуальными принципами исполнительного производства как деятельности, а принципами отраслей права, в соответствии с нормами которых выдаются исполнительные документы.

При формулировании принципов исполнительного производства диссертант предлагает исходить из прогноза постоянного роста количества исполнительных производств и в целом размера задолженности, подлежащей взысканию, в том числе в порядке исполнительного производства. Как и во многих странах Европы, в России такое положение дел обусловлено самыми разными факторами как чисто социально-экономическими, так и культурологическими, например, опережающий реальные доходы и накопления рост уровня потребления, все более терпимое отношение общества к жизни в кредит, вовлечение в систему кредитования новых слоев населения, в том числе неработающей молодежи, людей старшего поколения, которые финансово поддерживают своих родственников, расширение практики частичной и непостоянной занятости. Более того, остается низким и общий уровень финансовой грамотности заемщиков при сохранении «агрессивных» практик продвижения услуг по потребительскому кредитованию без надлежащей проверки платежеспособности заемщика. В целом

---

²⁵ См., напр.: Малюшин К.А. Система принципов гражданского исполнительного права РФ// Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 12. С. 32—35.

меняется облик современной экономики, поведенческие стереотипы участников гражданского оборота. Уже давно неисполнение или неполное исполнение своего обязательства не является чем-то экстраординарным, а благосостояние даже обычных граждан-заемщиков находится под воздействием макроэкономических факторов, волатильных курсов валют, мировых цен на сырье и т.д. В целом ряде инновационных сфер бизнеса, при финансировании «стартап-проектов» невозврат денег инвестору вообще является нормальным, ожидаемым и для кредитора, и для должника, а неполученные доходы инвестора компенсируются за счет других успешных проектов.

Пока исполнительное производство с точки зрения законодательного регулирования остается формально «про-кредиторским», взыскатель не должен предпринимать никаких активных действий, только лишь предъявить исполнительный лист в службу судебных приставов и ждать поступления взысканных денег на свой счет. Вместе с тем правоприменительная практика отчетливо свидетельствует о том, что активность взыскателя – ключевой фактор успеха исполнительного производства. Он уже давно не может уповать на доктринальные принципы преимущественной защиты его прав в ущерб правам должника. Остались в прошлом и успешные попытки всецело возложить на государство риски взыскателя не получить присужденное ему в исполнительном производстве. Исполнительное производство является лишь одной из стадий реализации субъективного права кредитора по отношению к должнику, в которой сохраняются все экономические риски, которые разумный кредитор должен учитывать еще при вступлении в обязательство.

С учетом указанного в работе предложены следующие принципы исполнительного производства, в том числе оказывающие влияние на формирование механизма ответственности: принцип процессуального формализма; принцип процессуального равноправия сторон; принцип процессуального руководства исполнительным производством судебным приставом-исполнителем; принцип соразмерности исполнительных действий; принцип приоритета имущественного воздействия перед воздействием на

личность должника; принцип приоритета исполнения требований исполнительного документа в неизменном виде; принцип заинтересованности (поощрения активности) взыскателя.

Принцип процессуального равноправия сторон. Несмотря на то, что соответствующий принцип выделяется и в гражданском, и в уголовном процессе, он характеризует и исполнительное производство. В силу указанного принципа взыскатель и должник обладают в соответствии с законом формально равными процессуальными правами, а также возможностями для их реализации в исполнительном производстве. Принцип равноправия является универсальным для исполнительного производства, распространяется на деятельность по исполнению всех видов исполнительных документов, не предусматривает исключения, даже когда сторонами исполнительного производства выступают Российская Федерация и иные публичные субъекты.

Диссертант прогнозирует появление в сфере исполнительного производства положений, *направленных на активизацию сотрудничества сторон.* Такие положения должны быть обусловлены не только стремлением к обеспечению необходимого уровня защиты прав и свобод человека и гражданина в исполнительном производстве, но честным взглядом на сам процесс исполнения как процедуру взаимодействия должника и взыскателя, а не «изолированных» отношений каждой из сторон с судебным приставом. Возрастающее в ходе исполнительного производства принудительное воздействие на должника, «лестница» мер косвенного принуждения лишь тогда станут «драйверами» эффективного исполнения, когда и у взыскателя появятся юридические стимулы быть активным в исполнительном производстве, что позволяет поставить вопрос не только о принципе процессуального равноправия, но *принципе заинтересованности (поощрения активности) взыскателя* в исполнительном производстве.

Сегодня именно взыскатель в исполнительном производстве обладает большим, чем должник, набором процессуальных прав и, как следствие, возможностей. *Принцип заинтересованности взыскателя* уже проявляется в

положениях закона о том, что именно он по общему правилу «запускает» всю процедуру исполнительного производства, предъявляя исполнительный документ в орган принудительного исполнения, обладает правом на обращение с заявлением об изменении способа и порядка исполнения при наличии обстоятельств, затрудняющих его исполнение, правом на отказ от взыскания, обладает иными правами и возможностями.

Приведенный принцип, с учетом опыта ряда иностранных правопорядков, может найти свою дальнейшую реализацию, например, и в нормах об авансировании взыскателем расходов в исполнительном производстве (за исключением социально-значимых взысканий), о пороге задолженности для возбуждения полноценного исполнительного производства, необходимости предоставления взыскателем всей имеющейся у него информации об активах должника, в юридических механизмах реструктуризации долга в исполнительном производстве, в положениях закона, предписывающих завершение безуспешного исполнительного производства по истечении определенного периода и т.д. В условиях приближения к конституционному «порогу» ограничений личных прав должников, при сохранении тяжелой ситуации с фактическим исполнением, неизбежно обращение к статусу другой стороны – взыскателя. Важно оценить, насколько адекватно урегулировано его правовое положение, насколько справедливо распределены между должником, взыскателем и государством риски неисполнения требования исполнительного документа.

Для большей части должников, не исполняющих свои обязательства, исполнительное производство должно из вечного «чистилища» превратиться во «временное пристанище». Те из них, которые действительно не могут исполнить свои обязательства в связи с уважительными причинами личного или имущественного характера, должны переходить в процедуру несостоятельности, освобождаясь от долга. Заведомо недобросовестные должники должны, очевидно, переводиться в категорию обвиняемых в совершении умышленного преступления не только против взыскателя, но и государства, соответствующие деяния могут квалифицироваться как хищение чужого имущества. При определении

эффективных мер принуждения в отношении должника следует четко разделить их на неспособных удовлетворить предъявленные требования (это должники-банкроты) и должников, уклоняющихся от исполнения исполнительных документов, но имеющих возможность их исполнить. Классический «ординарный» механизм исполнительного производства не предназначен для полноценного противодействия заведомо недобросовестному должнику, имеет объективные пределы применения, границы эффективности.

В качестве следующего принципа исполнительного производства в работе выделен *принцип процессуального формализма*. Указанный принцип имеет своим идеологическим источником процессуальный формализм гражданского процесса, который некоторыми учеными обозначается как отличительная черта, основа гражданского судопроизводства.

В практическом плане принцип процессуального формализма в исполнительном производстве означает, прежде всего, что в отношении процессуальной деятельности судебного пристава-исполнителя как должностного лица действует правило «разрешено только то, что прямо предписано», а в отношении обеих сторон исполнительного производства — «разрешено только то, что прямо разрешено». В исполнительном производстве ни один из субъектов не может совершать действия, не предусмотренные Законом об исполнительном производстве. Для каждого действия закон устанавливает субъекты, порядок, сроки совершения действия, а также процессуальные последствия его совершения или отказа от совершения. Принцип процессуального формализма позволяет отграничить исполнительное производство от многих иных видов деятельности государственных органов и должностных лиц.

Еще один принцип исполнительного производства, имеющий прототип в гражданском процессе, - *принцип процессуального руководства исполнительным производством судебным приставом-исполнителем*. Судебный пристав-исполнитель — самостоятельный субъект на всех стадиях исполнительного производства с момента направления (предъявления) ему исполнительного документа.

Принципом исполнительного производства следует признать *принцип соразмерности исполнительных действий*. В силу указанного принципа при совершении исполнительных действий, выборе конкретного исполнительного действия судебный пристав-исполнитель в целях экономии репрессии, обеспечения прав и законных интересов должника и иных лиц и одновременно правильного и своевременного исполнения исполнительного документа, должен принимать во внимание всю совокупность обстоятельств исполнительного производства, в том числе поведение должника, его добросовестность, семейный и имущественный статус, характер требований в исполнительном документе, объективную возможность исполнения исполнительного документа в установленный срок, конкретные причины неисполнения его требований должником, иные обстоятельства. Речь в данном случае должна идти именно о соразмерности исполнительных действий, а не мер принудительного исполнения, поскольку последние уже предписаны законом и исполнительным документом, их выбор не находится во власти судебного пристава, в его усмотрении. В работе предлагается различать собственно «соотнесимость» (термин из статьи 4 Закона об исполнительном производстве) и «соразмерность». «Соотнесимость» определяет количественные пределы воздействия (взыскания) на должника при принудительном исполнении, тогда как «соразмерность» («пропорциональность») – качественные.

Следующий принцип - *принцип приоритета исполнения требований исполнительного документа в неизменном виде* подразумевает недопустимость изменения содержания исполнительного документа, предмета требования, указанного в нем способа и порядка исполнения, иначе как в случаях и в порядке, установленных в законе. Соответствующий принцип обеспечивает конституционный смысл исполнительного производства, непосредственно связан с задачей исполнительного производства. Произвольное изменение исполнительного документа на стадии принудительного исполнения делает бессмысленным всю юрисдикционную деятельность государственных органов, ставит под сомнение законную силу судебного решения, делает недостижимыми

цели гражданского процесса, иных отраслей права, в соответствии с которыми выдаются исполнительные документы. Однако принцип приоритета исполнения требований исполнительного документа в неизменном виде не должен пониматься абсолютно, как необходимость исполнить требование исполнительного документа «любой ценой». Указанный принцип может быть раскрыт только с учетом необходимости обеспечения исполнимости требования исполнительного документа и акта, на основании которого он выдан (прежде всего, судебного решения). Исполнительное производство не должно оказаться невольным заложником невозможности исполнения исполнительного документа, пытаясь исполнить в неизменном виде соответствующее требование, несмотря на объективные обстоятельства и недобросовестное поведение должника.

Раскрывая указанный принцип, диссертант анализирует зарубежный опыт выбора и реализации способов защиты прав. Например, в английской правовой системе такой способ защиты права, как понуждение к исполнению обязательств из договора в натуре (*specific performance*), представляет собой исключительную меру, о которой может распорядиться суд. При этом общим способом защиты является взыскание убытков, с учетом того, что взыскать денежные средства в исполнительном производстве значительно проще, нежели разыскать индивидуально-определенную вещь и заставить должника передать ее взыскателю. Также анализируются выработанные в зарубежной судебной практике условия, при которых судом не может быть удовлетворено требование об исполнении обязательства в натуре (если права истца могут быть эффективно обеспечены посредством взыскания убытков, если исполнение решения суда будет связано с необходимостью постоянного надзора за должником со стороны государства, если обязательство предполагает только личное выполнение должником работ или оказание услуг и т.д.).

В диссертации отмечается, что отход от общего правила о понуждении к исполнению обязательства в натуре неизбежен, и такой отход связан именно с объективными трудностями в исполнении соответствующих требований в процедуре исполнительного производства. Проверка исполнимости того или

иного решения должна по общему правилу осуществляться не в исполнительном производстве, не судебным приставом-исполнителем, который не обладает и не может обладать полномочиями по разрешению спора о праве, оценке доказательств, но самим судом при вынесении решения о применении соответствующего способа защиты. Для этого и в судебной практике, и в законодательстве должны появиться четкие пределы применения такого способа защиты как понуждение к исполнению обязательства в натуре.

Применение процессуального принуждения к должнику, включая меры юридической ответственности, допустимо только в случае, если зафиксированное в исполнительном документе требование действительно исполнимо. Только лишь нормы материального права, предписания судебного решения или требования судебного пристава-исполнителя недостаточно для того, чтобы одномоментно «обрушить» на должника весь арсенал исполнительных действий с целью понудить его исполнить требование «любой ценой» несмотря ни на какие жертвы. При этом бремя установления такой исполнимости, модификации при определенных условиях неисполнимого в первоначальном виде способа защиты лежит и на самом взыскателе (кредиторе).

В третьей главе **«Основание ответственности в исполнительном производстве»** на основе предпринятого в первой главе отграничения мер ответственности от иных мер принуждения и выявленных во второй главе основных элементов юридического режима исполнительного производства последовательно анализируются элементы состава правонарушения в сфере исполнительного производства как основания соответствующей ответственности.

В параграфе **«Объект правонарушения в исполнительном производстве»** диссертант приходит к выводу, что основным объектом нарушений в сфере исполнительного производства является удовлетворение интересов взыскателя (кредитора), собственно принудительная реализация его субъективного материального права в отношении должника. Беспрепятственное осуществление органами принудительного исполнения полномочий в исполнительном производстве, соблюдение установленной процедуры взыскания является

объектом второстепенным. Основной объект правонарушения дифференцирован так же, как дифференцированы и цели исполнительного производства, которые отражают разнородные цели регулирования тех юридических режимов, в которых возникают субъективные права, подлежащие принудительной реализации в исполнительном производстве (например, налоговое, трудовое, гражданское право и т.д.).

С учетом указанного назначения ответственности в исполнительном производстве следует связать с обеспечением реализации задачи и целей исполнительного производства. Карательная функция ответственности в исполнительном производстве, таким образом, направлена, прежде всего, на исполнение конкретной обязанности, которая не была исполнена субъектом ответственности (в том случае если все еще сохраняется объективная возможность и необходимость ее исполнения). Ответственность в исполнительном производстве должна не столько наказывать неправомерное действие ретроспективно (как ответственность во многих иных сферах регулирования), сколько перспективно побуждать к правомерному поведению. Именно поэтому меры ответственности в отношении должника в исполнительном производстве по общему правилу могут применяться неоднократно.

Функция ответственности в исполнительном производстве проявляется в принуждении должника к исполнению юридических обязанностей в отношении взыскателя. Однако важно, чтобы мера ответственности как дополнительное обременение правонарушителя не препятствовала исполнению его основной обязанности, в связи с которой и было возбуждено исполнительное производство. Именно поэтому меры ответственности в исполнительном производстве могут и должны применяться не самостоятельно, а в комплексе с иными мерами принуждения в отношении должника в целях правильного и своевременного исполнения требования исполнительного документа, в том числе выступая как меры косвенного принуждения.

В параграфе «**Объективная сторона правонарушения в исполнительном производстве**» диссертант ставит вопрос о том, неисполнение какой обязанности

представляет собой правонарушение в исполнительном производстве? Имеется ли общая (иная, чем материально-правовая обязанность, лежащая в основе самого исполнительного документа), характерная именно для сферы исполнительного производства обязанность должника, неисполнение которой и является объективной стороной универсального процессуального нарушения в исполнительном производстве? По итогам анализа в работе обосновывается вывод о том, что исполнительное производство в целом – не наказание должника за неисполнение обязанности, а стадия, процедура ее реализации, процесс принудительного осуществления субъективного права взыскателя в отношении неисправного должника. В связи с изложенным, следует признать, что никакой специфической «отраслевой» противоправности в исполнительном производстве нет. Невозможно и выделение «унифицированной» степени общественной опасности правонарушений в исполнительном производстве, которая позволит отграничить их от, например, гражданско-правовых деликтов, иных административных или уголовных правонарушений, собрать все правонарушения в исполнительном производстве в единое «самостоятельное» «исполнительно-правовое» правонарушение.

Опасность, вредоносность, социальная значимость неисполнения требования исполнительного документа зависит, прежде всего, не от размера требования, судебного или несудебного характера исполнительного документа (хотя эти факторы тоже важны), а от его материально-правового содержания, правовой природы и социального значения обязанности, не исполненной должником. С точки зрения правовой политики в исполнительном производстве требование об уплате алиментов или возмещения вреда жизни и здоровью более важно, чем «обычное» имущественное требование. С позиции иерархии конституционных ценностей и уклонение от передачи ребенка в соответствии с судебным решением об определении места его жительства более опасно, чем отказ снести незаконно возведенный забор (при том, что и то и другое требование будет принудительно исполняться посредством применения одной и той же санкции, установленной статьей 17.15 КоАП РФ).

Дифференциация поведения должника для целей применения к нему в исполнительном производстве мер принуждения (включая меры ответственности) должна осуществляться не исходя из умозрительной общественной опасности, а в зависимости от содержания, социальной значимости обязанности, им не исполненной. Специфика такой обязанности не нивелируется и с переходом ее в стадию принудительного исполнения. Более того, в исполнительном производстве пределы воздействия на должника в интересах взыскателя как раз обусловлены правовой природой соответствующей обязанности.

В параграфе **«Субъект правонарушения в исполнительном производстве»** предлагается классифицировать субъектов исполнительного производства на следующие виды: 1) орган или должностное лицо, выдавшее исполнительный документ; 2) суд; 3) органы принудительного исполнения; 4) лица, на основании предоставленных законом полномочий непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительном документе (в том числе указанные в статьях 8 – 9 Закона об исполнительном производстве); 5) лица, участвующие в исполнительном производстве (стороны; лица, действующие в исполнительном производстве от своего имени, но в чужом интересе (например, прокурор), лица, на права и обязанности которых может повлиять исполнительное производство (например, лицо, у которого находится имущество должника, кредиторы должника и т.д.); 6) лица, содействующие исполнительному производству. Соответствующая классификация, во-первых, основывается на ставшей традиционной классификации субъектов гражданских процессуальных отношений, во-вторых, учитывает в совокупности два основных критерия: наличие специальных публичных полномочий по осуществлению принудительного исполнения и наличие *юридически значимой заинтересованности* в исполнительном производстве.

Поскольку исполнительное производство является лишь одной из стадий развития правоотношений, возникших в соответствии с нормами различных отраслей права, правоспособность и дееспособность взыскателя и должника определяются не по особым правилам согласно Закону об исполнительном

производстве, а в соответствии с нормами тех федеральных законов, на основании которых выдан соответствующий исполнительный документ. Взыскателем в исполнительном производстве по исполнению требований исполнительного листа может выступать тот, кто согласно процессуальному законодательству может быть истцом (заявителем) в суде (обладает гражданской процессуальной правоспособностью), взыскателем по требованиям удостоверения, выданного комиссией по трудовым спорам, — тот, кто может быть работником согласно ТК РФ, и т.д.

С учетом анализа каждой категории субъектов в исполнительном производстве, сделан вывод о том, что нельзя говорить о какой-либо особой деликтоспособности субъектов исполнительного производства. Юридическую ответственность в сфере принудительного исполнения несут лица, не имеющие специального, предусмотренного законом процессуального статуса в конкретном исполнительном производстве (например, банк, в который поступает запрос судебного пристава-исполнителя об открытых в нем счетах должника). Привлечение субъектов исполнительного производства к юридической ответственности имеет своей предпосылкой их деликтоспособность в соответствии с положениями, например, административного, уголовного, гражданского, гражданского процессуального права в зависимости от режима ответственности.

Однако можно выявить определенные особенности правового статуса должника в исполнительном производстве, прежде всего, в части набора мер принуждения (в том числе мер ответственности), которые применяются к нему в целях побуждения к исполнению требования исполнительного документа, установления его вины в неисполнении.

Особое место в третьей главе и в диссертационном исследовании в целом занимает параграф **«Субъективная сторона правонарушения в исполнительном производстве»**. В нем подробно анализируются существующие в законодательстве и правоприменительной практике подходы к определению вины должника при привлечении его к ответственности в стадии

принудительного исполнения. Диссертант делает вывод о том, что законодательство об исполнительном производстве использует скорее гражданско-правовой подход к определению вины должника при привлечении его к ответственности, а также применению иных мер принуждения, несмотря на то, что соответствующие меры являются по своей природе публично-правовыми. Такой подход характеризуется, во-первых, отсутствием юридического значения у мотива и цели неисполнения требования исполнительного документа должником, во-вторых, презумпцией виновности должника, и, в-третьих, установлением вины исключительно в объективном понимании, посредством оценки поведения конкретного должника согласно определенному стандарту надлежащего поведения. Примечательно, что и при привлечении должника к административной ответственности в исполнительном производстве используется не субъективный подход к установлению вины как психического отношения к правонарушению, присущий публично-правовой ответственности (статья 2.2 КоАП РФ), а все тот же объективный подход, описанный выше, сопровождаемый фактически презумпцией вины не только в отношении должников-юридических лиц (часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ), но и в отношении должников-физических лиц.

Господствующие в правоприменении подходы к наложению в исполнительном производстве мер ответственности в соответствии с нормами КоАП РФ и собственно Закона об исполнительном производстве отчетливо демонстрируют отход от установления вины в субъективном аспекте, характерном для публичного права, что подтверждает использование таких мер, прежде всего, не только как собственно мер ответственности, а как мер косвенного принуждения по отношению к должнику, но со значительно более низким стандартном оценки вины правонарушителя по сравнению с общими подходами к установлению вины при привлечении к публично-правовой ответственности.

Аналогичные подходы к субъективной стороне при установлении состава правонарушения в исполнительном производстве могут быть обнаружены и при привлечении должника к уголовной ответственности, которая традиционно

предполагает наиболее высокий стандарт оценки вины правонарушителя среди всех видов юридической ответственности. На многочисленных примерах применения статьи 157 УК РФ отчетливо видно, что и органы предварительного расследования, и суды устанавливают виновность должника прежде всего в объективном аспекте, оценивают его поведение с точки зрения требований законодательства об исполнительном производстве, а не собственно диспозиции соответствующей статьи УК РФ.

С учетом огромного количества исполнительных документов, поступающих в ФССП России, значительном числе недобросовестных должников, высоком уровне правового нигилизма подход, фактически игнорирующий вину должника в неисполнении требования исполнительного документа, представляется наиболее простым и дешевым для государства. Однако до тех пор, пока добросовестность должника не будет иметь реального значения в исполнительном производстве, невозможно будет не только дифференцировать должников и применяемые к ним меры принуждения, но и в целом выработать ясную и последовательную правовую политику в сфере исполнительного производства, наметить пути ликвидации многомиллионных остатков исполнительных производств, переходящих из года в год.

Учет вины должника в исполнительном производстве также может повысить легитимность применяемых принудительных мер в глазах общества, восстановить конституционный баланс прав и интересов сторон исполнительного производства, учитывать и поведение взыскателя, не проявляющего должную активность в исполнительном производстве, либо изначально действовавшего легкомысленно при вступлении в отношения с заведомо ненадежным контрагентом, а в исполнительном производстве требующего от государства «любой ценой» взыскать долг по фактически неисполнимому исполнительному документу.

Завершая рассмотрение в целом состава правонарушения, диссертант признает, что правонарушением в исполнительном производстве, которое может влечь за собой применение публично-правовых санкций, следует признать лишь

недобросовестное (виновное) неисполнение должником требования исполнительного документа, то есть неисполнение при наличии объективной возможности исполнения у данного конкретного должника.

В четвертой главе «**Отдельные виды ответственности в исполнительном производстве**» анализируются конкретные, применяемые в сфере исполнительного производства, меры различной отраслевой направленности, квалифицируемые законодательством как меры юридической ответственности.

В параграфе «**Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве**» констатируется, что субъектом гражданско-правовой ответственности в исполнительном производстве может являться не только должник, но и иные субъекты исполнительного производства (включая взыскателя, лиц, содействующих исполнительному производству), а также государство (несущее ответственность за неправомерные действия судебного пристава-исполнителя). С учетом указанного, гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве многообразна с точки зрения оснований применения, а также разнонаправлена с точки зрения субъектов. В параграфе также рассмотрены наиболее типичные случаи применения мер гражданско-правовой ответственности в исполнительном производстве: должника перед взыскателем; государства перед взыскателем; государства перед должником и иными субъектами исполнительного производства. Параграф «**Публично-правовая ответственность в исполнительном производстве**» посвящен рассмотрению отдельных составов административной и уголовной ответственности в сфере исполнительного производства. Анализ составов преступлений, субъектом которых является неисправный должник в исполнительном производстве, позволяет констатировать, что в российском уголовном законодательстве пока отсутствует общий состав преступления, позволяющий привлекать к уголовной ответственности любое лицо, уклоняющееся от исполнения требований исполнительного документа. Уголовная ответственность должника сегодня ограничена либо по характеру требования (статья 157, часть 1 статьи 315 УК РФ), либо по размеру взыскания (статья 177 УК

РФ), либо по кругу специальных субъектов преступления (часть 2 статьи 315 УК РФ). Как представляется, такое законодательное решение связано не с игнорированием общественной опасности умышленного неисполнения требований исполнительных документов, а со значительной распространенностью соответствующих правонарушений. В случае криминализации любого умышленного неисполнения требования исполнительного документа к уголовной ответственности на данном этапе должны были бы быть привлечены сотни тысяч граждан, чего государство допустить не может.

В целом, анализ отраслевых видов ответственности, применяемых в исполнительном производстве, подтверждает вывод о том, что меры публично-правовой ответственности в сфере принудительного исполнения приобретают характер мер косвенного принуждения в отношении неисправного должника. Меры гражданско-правовой ответственности (в том числе применяемые в отношении государства) в сфере исполнительного производства вообще не имеют и не должны иметь специфики, представляют собой последствия «обыкновенного» деликта.

В завершающей пятой главе диссертационного исследования **«Модель ответственности в исполнительном производстве: взгляд в будущее»** на основании сделанных в исследовании выводов смоделирован механизм ответственности в исполнительном производстве с учетом стоящих перед ним целей и задачи, современных социально-экономических условий, доктринальных основ исполнительного производства, его принципов, в целом юридического режима исполнительного производства.

В параграфе **«Механизм ответственности в исполнительном производстве»** сделан вывод о том, что презумпция виновности должника при привлечении к ответственности соответствует основным началам исполнительного производства. Как и в гражданском праве, в исполнительном производстве вопрос о вине правонарушителя связан с вопросом об уважительности причин, препятствующих исполнению юридической обязанности, а также разумности правонарушителя при принятии мер по

исполнению юридической обязанности. В том случае, если лицу удастся доказать уважительность причин неисполнения обязанности, оно признается невиновным. Очевидно, что самому должнику лучше всех известны причины неисполнения требований исполнительного документа, и только он может представить письменные или вещественные доказательства уважительности причин такого поведения. Кроме того, сам правонарушитель более чем кто-либо заинтересован в наиболее объективном рассмотрении вопроса о наложении мер ответственности (в случае, если он считает себя невиновным). Именно поэтому возложение на должника бремени доказывания своей невиновности позволит сделать процедуру привлечения к процессуальной ответственности быстрой и эффективной.

При моделировании процесса привлечения должника к ответственности предлагается исходить из того, что универсальное требование экономии репрессии предполагает постепенное наращивание принудительного воздействия. Современное исполнительное производство должно представлять собой процесс поэтапного усиления воздействия на должника, ограничения все более важных и ценных для него прав и возможностей (в том числе переход от имущественного к личному воздействию), поступательное снижение уровня предоставляемых ему правовых гарантий в целях понуждения к правильному и своевременному исполнению возложенной на должника обязанности, реализации задачи исполнительного производства. Движение по такой «лестнице» воздействия может осуществляться с разной скоростью, а некоторые «ступени» можно даже «перепрыгнуть», в зависимости от поведения должника, а также правовой природы, социальной значимости неисполненного им требования.

В качестве процедур установления недобросовестности должника в современном исполнительном производстве могут использоваться: в отношении денежных взысканий – процедура рассмотрения судом заявления об отсрочке или рассрочке исполнения требования исполнительного документа, а в отношении иных требований (прежде всего, неимущественного характера) – об изменении способа и порядка исполнения.

Изменение способа исполнения без согласия должника представляет собой значительное ограничение его прав. Более того, фактически при изменении способа исполнения модифицируется способ защиты права, первоначально избранный в иске и подтвержденный вступившим в законную силу судебным решением. Негативные последствия для должника, презюмируемого недобросовестным, в данном случае заключаются и в применении в отношении него сниженных (по отношению к предоставляемым в полноценном исковом производстве) возможностей для защиты против требования взыскателя (кредитора, истца) с учетом того, что соответствующее заявление рассматривается в упрощенной судебной процедуре в стадии исполнительного производства. Именно установленная судом недобросовестность должника позволяет отступить от общего принципа о недопустимости изменения первоначально установленного способа исполнения.

Введение общей процедуры установления добросовестности (недобросовестности) должника позволит отказаться от установления его вины в каждом случае применения меры публично-правовой ответственности или иной меры принуждения, требующих сейчас – с точки зрения буквы закона – установления каждый раз заново полного состава правонарушения, включая субъективную сторону (например, административного штрафа в соответствии со статьей 17.15 КоАП РФ, ограничения специальных прав должника, права на выезд за рубеж, взыскания исполнительского сбора и т.д.). В указанном случае стандарт оценки поведения должника будет унифицирован, а все надлежащие гарантии применения в отношении должника мер публично-правовой ответственности, включая судебную процедуру установления недобросовестности должника, право на обжалование соответствующего акта, возможность приводить свои доводы и доказательства, будут обеспечены. В таком случае уровень соответствующих процессуальных гарантий для должника в целом повысится без ущерба для реализации задачи исполнительного производства. Применение мер публично-правовой ответственности должно быть возможно только после исчерпания всех иных возможностей исполнения требования исполнительного документа с

использованием «ординарного» инструментария принудительного исполнения, в том случае, если сам должник в судебной процедуре предоставления отсрочки или рассрочки, изменения способа и порядка исполнения не смог доказать свою добросовестность, невозможность по не зависящим от него причинам исполнить требование исполнительного документа. Соответствующий механизм будет способствовать и реализации принципа поощрения активности взыскателя в исполнительном производстве.

Единая процедура установления недобросовестности должника позволит исключить из КоАП РФ ответственность должника за неисполнение требований неимущественного характера в виде административных штрафов. Указанные штрафы могут быть возвращены в Закон об исполнительном производстве и применяться без необходимости установления каждый состава правонарушения, если поведение должника признано недобросовестным. Такой подход позволит усилить значение соответствующих штрафов именно как мер косвенного принуждения в юридическом режиме исполнительного производства, а не классических мер административной ответственности. Общая процедура установления недобросовестности должника не применима к мерам уголовной и гражданско-правовой ответственности, которые подлежат применению в соответствии с требованиями и стандартами, установленными соответственно уголовным и гражданским законодательством.

Анализируя вопрос о применении к должнику такой меры как исполнительский сбор, диссертант делает вывод, что сегодня исполнительский сбор представляет собой пример смешанного юридического режима, объединяющего элементы частноправового (гражданская) и публично-правового (административная, процессуальная) режимов ответственности. Однако, по мнению диссертанта, исполнительский сбор с точки зрения назначения в механизме исполнительного производства должен квалифицироваться вообще не как мера ответственности и (или) мера косвенного принуждения, а в качестве заранее установленной компенсации расходов государства на организацию принудительного исполнения.

Квалификация исполнительского сбора не как меры ответственности, а как механизма компенсации расходов в исполнительном производстве влечет за собой переосмысление модели его применения. Например, в таком случае для взыскания исполнительского сбора не подлежит установлению недобросовестность должника (вина в неисполнении, наличие или отсутствие уважительных причин неисполнения), он взыскивается в любом случае на первом этапе исполнительского производства, как только должнику становится известно о том, что в отношении него возбуждена соответствующая процедура и органами принудительного исполнения предприняты действия для взыскания. Таким образом, основания для освобождения или уменьшения размера сбора не должны быть связаны с виной должника в неисполнении требований исполнительного документа. Такие основания могут быть схожи с теми, которые сейчас установлены для освобождения от уплаты государственной пошлины при обращении в суд или к нотариусу.

С учетом сделанных в работе выводов относительно «погружения» мер ответственности в систему мер принуждения в исполнительном производстве, обеспечения баланса интересов государства, должника и взыскателя, поощрения активности последнего в исполнительном производстве, в диссертации предлагается следующая очередность распределения взысканных с должника денежных средств:

в первую очередь взыскивается исполнительский сбор, возмещаются расходы, понесенные в исполнительном производстве органами принудительного исполнения, а также взыскателем;

во вторую очередь удовлетворяются требования взыскателя, предусмотренные исполнительным документом (при исполнении требования имущественного характера), либо требования взыскателя о взыскании санкций, наложенных на должника в связи с уклонением от исполнения содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера, в том числе, судебной неустойки, предусмотренной статьей 308.3 ГК РФ (при исполнении требования неимущественного характера);

в третью очередь погашаются административные штрафы, наложенные на должника судебным приставом-исполнителем в ходе исполнительного производства.

В параграфе **«Пределы ответственности в исполнительном производстве»** пределы применения принуждения (в том числе мер ответственности) к должнику устанавливаются, исходя из, во-первых, длительности воздействия, во-вторых, интенсивности (соразмерности) такого воздействия.

Временные пределы применения мер принуждения в исполнительном производстве могут быть обусловлены как истечением определенного объективного срока, так и совершением (не совершением) определенных действий должником и(или) взыскателем. С точки зрения правовой политики было бы оправданным введение общего объективного срока на принудительное исполнение обязательства, который мог бы отсчитываться со дня вступления в силу соответствующего акта, на основании которого выдается исполнительный документ или который сам является исполнительным документом. Такой общий срок охватывал бы и срок предъявления исполнительного документа, и предельный срок исполнительного производства. Как по имущественным, так и по неимущественным требованиям указанный срок может составлять, например, три года (по аналогии со сроком давности предъявления исполнительного документа), если иное не предусмотрено исполнительным документом (например, при взыскании периодических платежей). В него не включаются периоды отсрочки исполнения, но приостановление исполнительного производства не влияет на течение указанного срока. По истечении срока исполнительное производство могло бы подлежать прекращению без возможности возобновления. После указанного срока не могут и накладываться на должника меры публично-правовой ответственности (в том числе личные ограничения и штрафы).

Введение общего объективного срока принудительного исполнения также позволит стимулировать активность взыскателя. Арсенал возможных действий взыскателя в течение объективного срока исполнения не исчерпывается только

предъявлением исполнительного документа к исполнению, а также обжалованием бездействия судебного пристава-исполнителя. Он может и должен предоставлять органу принудительного исполнения имеющуюся у него информацию об имуществе должника, его местонахождении, предпринимать усилия для урегулирования отношений с должником.

При оценке пределов интенсивности (соразмерности) принудительного воздействия предлагается исходить из того, что в сфере принудительного исполнения должник противостоит не государству (суверену) в лице органов принудительного исполнения, а взыскателю. Таким образом, все меры принуждения к должнику применяются не в абстрактных общественно значимых интересах, а, как правило, в интересах другого частного лица, хоть и имеющего выданный в его пользу исполнительный документ. Кроме того, применение мер принуждения к должнику в исполнительном производстве может затрагивать интересы иных частных лиц с не менее значимыми, чем у взыскателя, интересами (иные кредиторы, контрагенты, члены семьи должника и т.д.).

В связи с тем, что, например, в договорных отношениях кредитор имеет возможность выбрать себе контрагента, соответственно, на него в большей степени должны возлагаться и экономические риски неисполнения должником обязательства. Таким образом, при принудительном исполнении договорного обязательства применение к должнику личных ограничений менее обоснованно с точки зрения юридического режима исполнительного производства, чем при исполнении внедоговорного, в котором взыскатель в полной мере является «заложником» противоправного поведения должника, действий, которые он объективно не мог предвидеть и предотвратить их вредные последствия для себя.

Рассуждая о модели исполнительного производства, его пределах, нельзя забывать о том, что возможности самого исполнительного производства не безграничны. Так, в отношении многочисленных административных и уголовных штрафов в целом вызывает сомнение необходимость их бесконечного взыскания с использованием режима исполнительного производства. Цель государства в данном случае – не получить любой ценой с правонарушителя деньги, а наказать

его. Таким образом, должен в полной мере использоваться институт замены наказания на более строгое при уклонении от более мягкого с окончанием соответствующего исполнительного производства. «Разгрузка» исполнительного производства от несвойственных ему функций, прагматичный взгляд на возможности соответствующего механизма и его место в правовой системе, обеспечение справедливого баланса интересов сторон исполнительного производства и государства – залог развития системы принудительного исполнения, ее востребованности и эффективности.

В **Заключении** содержатся краткие теоретические и практические выводы по результатам проведенного исследования, излагается позиция диссертанта относительно дальнейшего развития системы ответственности в современном исполнительном производстве.

Рассуждая о направлениях развития системы ответственности в исполнительном производстве, диссертант выделяет две основные возможные модели.

Первая модель предполагает дальнейшее использование мер юридической ответственности в исполнительном производстве как мер косвенного принуждения. В такой модели все меры принуждения должны быть погружены в режим исполнительного производства, применяться в установленной очередности (не все сразу, а постепенно, нарастающим воздействием на неисправного должника). Завершение исполнительного производства должно влечь за собой и прекращение действия всех мер ответственности, применяемых к должнику как меры косвенного принуждения. Однако должник и после завершения исполнительного производства может быть привлечен к уголовной ответственности, если неисполнение квалифицировано как преступное хищение чужого имущества.

Во второй (альтернативной) модели юридическая ответственность в исполнительном производстве должна применяться в «классическом» виде, не превращаться в меры косвенного принуждения должника. Меры косвенного принуждения и меры обеспечения в исполнительном производстве не могут

совпадать с мерами ответственности, следовательно, должны быть непосредственно связаны с предметом исполнения. В таком случае, например, ограничения специальных прав могут применяться исключительно как мера ответственности (например, административной). Все меры ответственности в исполнительном производстве должны применяться в отдельных процедурах с установлением в каждом случае полного (а не «усеченного») состава правонарушения, предусмотренного отраслевым юридическим режимом (например, уголовно-правовым или административно-правовым). Меры ответственности могут применяться и независимо от хода и завершения самого исполнительного производства.

В обеих предложенных моделях определенная специфика есть только у ответственности должника.

Как было неоднократно отмечено в работе, все элементы юридического режима должны действовать гармонично, соотноситься с целями и задачами регулирования в соответствующей сфере. Именно поэтому диссертант исходит из того, что развитие должна получить первая модель ответственности должника в исполнительном производстве. Но и в этой модели меры юридической ответственности и иные меры принуждения не могут быть безграничными, несоразмерными характеру исполняемого требования, не учитывать добросовестность должника, подменять деятельность самого взыскателя и органов принудительного исполнения, необоснованно перераспределять риски неисполнения обязательства. Только тогда можно будет говорить о действительно эффективном исполнительном производстве, занимающим достойное место в правовой системе страны.

Список публикаций автора, в которых отражены основные научные результаты диссертационного исследования.

Гальперин М. Л. Ответственность в механизме исполнительного производства: монография. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 313 с. — (Серия: Актуальные монографии) – 22,75 п.л.

Гальперин М. Л. Исполнительное производство: учебник для бакалавриата и магистратуры — 4-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 498 с. — 35 п.л.

Публикации в изданиях, входящих в перечень рекомендованных журналов НИУ ВШЭ.

1. *Гальперин М. Л.* Зачем нужен исполнительский сбор? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.07.2018 № 305-КГ17-23457. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 10. С. 4-11. — 0,48 п.л.

2. *Гальперин М. Л.* Есть ли границы у ответственности должника в исполнительном производстве? // Закон. 2018. № 8. С. 53-61. — 0,75 п.л.

3. *Гальперин М. Л.* Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 138-159. — 1,6 п.л.

4. *Гальперин М. Л.* Неисполнение должником требования исполнительного документа - особое правонарушение? // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 3. С. 40-54. — 0,93 п.л.

5. *Гальперин М. Л.* Объект правонарушения в современном исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 2. С. 168-182. — 0,73 п.л.

6. *Гальперин М. Л.* О противоправности в исполнительном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 2. С. 34-40. — 0,60 п.л.

7. *Гальперин М. Л.* Об ограничении свободы должника в исполнительном производстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 5. С. 126-145. — 1,30 п.л.

8. *Гальперин М. Л.* Принципы исполнительного производства. Версия 2.0 // Закон. 2017. № 10. С. 90-109. — 1,28 п.л.

9. *Гальперин М. Л.* Невозможность исполнения требования исполнительного документа в неизменном виде: проблема процессуального или материального права? // Закон. 2017. № 7. С. 27-40. — 1,48 п.л.

10. *Гальперин М. Л.* Можно ли должников лишать водительских прав, или Кто должен писать законы? // Закон. 2015. № 2. С. 123-136. – 1,43 п.л.

11. *Гальперин М. Л.* О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 202-225. – 2,08 п.л.

12. *Гальперин М. Л.* Новеллы законодательства об исполнительном производстве: оптимальные процессуальные институты или разрыв с материально-правовой основой? // Закон. 2014. № 4. С. 124-135. – 1,33 п.л.

13. *Гальперин М. Л.* Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // Закон. 2013. № 10. С. 111-124.- 1,50 п.л.

14. *Гальперин М. Л.* Проблема дифференциации гражданского процесса и эффективность судебной защиты прав в исполнительном производстве // Закон. 2012. № 9. С. 105-116. – 1,28 п.л.

15. *Гальперин М. Л.* Транснациональное исполнительное производство: взгляд в будущее // Закон. 2012. № 5. С. 140-146. – 0,63 п.л.

16. *Гальперин М. Л.* Будущее исполнительного производства: проблемы взаимодействия материального и процессуального права // Закон. 2012. № 4. С. 40-57. – 1,95 п.л.

17. *Гальперин М. Л.* Правовая политика и принципы исполнительного производства // Закон. 2011. № 7. С. 133-144. – 1,20 п.л.

18. *Гальперин М. Л.* Методологические проблемы изучения ответственности в гражданском судопроизводстве: к вопросу о концепции юридических режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 1. С. 44-56. – 1,03 п.л.

Публикации в иных изданиях из перечня журналов, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук.

1. *Гальперин М. Л.* Значение вины должника в исполнительном производстве: проблемы теории и судебного правоприменения // Администратор суда. 2018. № 3. С. 22-27. – 0,68 п.л.

2. *Гальперин М. Л.* Исполнительные действия - меры ответственности? // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 9-22. – 1,33 п.л.

Публикации в сборниках статей НИУ ВШЭ.

1. *Гальперин М. Л.* Исполнительное производство: современные проблемы преподавания и изучения // В кн.: Правовые исследования: новые подходы / Под общ. ред.: Е. Н. Салыгин, О. М. Олейник, М. А. Краснов, В. Б. Исаков, Л. А. Прокудина, С. А. Маркунцов, С. А. Чеховская, Т. С. Жукова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2012. С. 520-527. – 0,48 п.л.

Общий объем публикаций автора по тематике диссертационного исследования – более 81 п.л.